ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза писателей СССР

Год издания 38-й
№ 62 (3985)
СУББОТА, 28 МАЯ 1966 г.
ЦЕНА 4 коп.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

О Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

27 мая 1966 года Пленум Центрального Комитета КПСС продолжал свою работу.

В обсуждении доклада тов. Е. Е. Алексеевского «О широком развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур» приняли участие тт. А. Н. Аскоченский — академик-секретарь Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, Е. С. Новоселов — министр строительного, дорожного и коммунального машиностроения.

На Пленуме с речью выступил Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС тов. Л. И. Брежнев.

Пленум Центрального Комитета КПСС единодушно принял постановление «О широком развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур».

На этом Пленум закончил свою работу.

Хроника одного дня

ЛЕНИН 25 мая 1919 года

В. И. Ленин в сопровождении группы товарищей направляется на парад войск Всевобуча 25 мая 1919 года (кинокадр)

1 мая «Литературная газета» опубликовала хронику одного дня В. И. Ленина — 1 мая 1920 года.

Редакция газеты получила письма, в которых читатели просят продолжить публикации фотодокументов, рассказывающих о В. И. Ленине.

Сегодня мы публикуем фотографии, посвященные 25 мая 1919 года.

СОРОК семь лет назад — 25 мая 1919 года — в яркий солнечный, безветренный день столица молодого Советского государства была украшена по-праздничному.

В этот день в Москве, на Красной площади, проводился праздник Всевобуча — парад рабочих полков, прошедших всеобщее военное обучение.

«Революция непобедима, когда на ее защиту поднимается вооруженный народ!» — с таким заголовком, напечатанным крупным шрифтом во всю первую полосу, вышла в тот день газета «Правда».

«Мы воюем против войны», «Мы борцы за мир и братство между народами» — эти призывы можно было увидеть на плакатах, вывешенных на зданиях, и на страницах газет, вышедших в этот день.

С утра к Красной площади с флагами и стягами начали собираться рабочие полки и отряды. Около полудня на Красной площади выстроились все отряды московского Всевобуча в ожидании начала парада. Оркестры играли мелодии революционных песен.

В. И. Ленин в сопровождении товарищей обходит фронт войск Всевобуча 25 мая 1919 года

В полдень оживленный шум над площадью смолк. От Спасских ворот Кремля к центру площади в сопровождении штаба Всевобуча проходит В. И. Ленин. Рядом с Лениным в группе идет венгерский коммунист Тибор Самуэли. Вместе с сопровождающими товарищами В. И. Ленин обходит фронт рабочих полков. Затем Владимир Ильич поднялся на площадку грузового автомобиля, заменившего трибуну, и обратился с речью к вооруженным рабочим. В своей речи В. И. Ленин приветствовал пролетариев, взявших в руки винтовку для защиты своей свободы, и разъяснил смысл Всевобуча.

В. И. Ленин произносит речь на параде войск Всевобуча на Красной площади 25 мая 1919 года

«Сегодняшний праздник показывает, каких успехов мы достигли, — говорил В. И. Ленин, — какая новая сила растет в недрах рабочего класса. Когда мы смотрим на этот парад, мы становимся уверенными, что Советская власть завоевала сочувствие рабочих всех стран...»

Закончив речь, Владимир Ильич представил рабочим Тибора Самуэли, а сам присел на борт грузовика, видимо, утомленный речью. Более двух часов продолжался парад на Красной площади. Стройными рядами проходили рабочие батальоны мимо грузовика, заменявшего трибуну, на котором вместе со своими соратниками принимал парад Владимир Ильич Ленин.

Сохранившиеся кинокадры и фотографии запечатлели этот незабываемый день. Они донесли до нашего времени облик Владимира Ильича Ленина.

А. ПЕТРОВ,
заведующий секцией кинофотодокументов Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

В. И. Ленин выступает с речью на параде войск Всевобуча на Красной площади 25 мая 1919 года

В. И. Ленин произносит речь на параде войск Всевобуча 25 мая 1919 года (кинокадр)

В. И. Ленин, Н. К. Крупская, М. И. Ульянова во время парада войск Всевобуча на Красной площади 25 мая 1919 года.

«МОСКВА. ВЫБОРНАЯ...»

МОСКВА. Дом союзов. Здесь находится сейчас Центральная избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет СССР седьмого созыва, куда стекаются все сведения о предвыборных мероприятиях. Первым, кого встретил здесь ваш корреспондент, был Леонид Сергеевич Соболев, член Центральной избирательной комиссии. Писатель вернулся в тот день из Казахстана. В Москве он был буквально проездом: через какие-нибудь тридцать—сорок часов должен был уехать в Ставрополь. Л. С. Соболев выезжал в Казахскую ССР, чтобы ознакомиться с тем, как там идет подготовка к выборам. Большая государственная и общественная работа отрывает, конечно, писателя от письменного стола. Но, может быть, именно в этом живом общении с разными людьми, в этих командировках и поездках на стройки, в колхозы, в воинские части и рождаются новые замыслы, ложатся в записные книжки наброски будущих произведений...

РАБОЧИЙ день Центральной избирательной комиссии насыщен до предела. Бесконечные телефонные звонки, письма и телеграммы, прием посетителей. Июнь — время летних отпусков, туристских маршрутов, дальних дорог. Как сделать, чтобы все командировочные, путешественники, курортники, все, кто окажется 12 июня в пути, смогли принять участие в выборах?

Голосование организовывается в 544 пассажирских поездах дальнего следования. А для транзитных пассажиров, которых этот день застанет на вокзалах, открываются специальные избирательные участки. Избирательные участки создаются в аэропортах страны, более чем на 2 400 судах морского, речного и рыболовного флота, на полярных станциях.

Ну, а как будут голосовать геологи, чабаны, пастухи? Ведь в некоторых районах страны начало лета — это бездорожье, разлив рек, озер. Избирателей Ямало-Ненецкого национального округа, например, будут обслуживать десять вертолетов. Геологи, поисковые партии которых будут в день выборов вдали от своих баз, в глухой тайге или в других, даже вертолету недоступных местах, голосуют там, где застанет их утро 12 июня; по рации доверенное лицо участковой комиссии передаст в результатах выборов в центр. В каком бы уголке страны ни находились избиратели 12 июня, они смогут выполнить свой гражданский долг.

Ни на один час не прекращается связь Центральной избирательной комиссии с республиканскими, окружными, участковыми комиссиями. В течение всего дня поступают сюда вести с мест, идут телеграммы с грифом: «Москва. Выборная...»

ВСЕСОЮЗНЫЙ, 1966

СЕДЬМОЙ день в кинотеатре «Украина» продолжается конкурсный просмотр Всесоюзного кинофестиваля. На десятках киевских экранов демонстрируются фильмы, которые привезли в столицу Украины кинематографисты всех союзных республик.

Фестиваль, несомненно, стал крупнейшим творческим смотром, своеобразным «увеличивающим стеклом» сегодняшних поисков и достижений советской кинематографии. Перед открытием у некоторых возникали опасения: не окажется ли фестиваль для зрителей простым повторением пройденного, так сказать, фестивалем «повторного фильма»? Сейчас все сомнения развеяны. Большинство просмотров проходит при переполненных залах. Многим фильмам сопутствует огромный зрительский успех.

Всесоюзный фестиваль по своим задачам и творческой программе, разумеется, отличается от международных кинопросмотров. Но разве не свидетельствует о его представительности и тот факт, что четыре (из 24) конкурсные картины—«Ленин в Польше», «Тени забытых предков», «Верность», «Последний месяц осени» — уже удостоены высоких наград на международных кинофестивалях?

Идейная и художественная значительность отмечает лучшие картины фестиваля. Новые поиски направлены на самое главное: отражение современности, высоких дум и чувств человека. Направлены на глубокое воплощения историко-революционной темы.

Среди фильмов, ставших большим событием фестиваля, единодушно названа картина режиссера В. Жалакявичюса «Никто не хотел умирать». Его лента окрашена суровостью и мужеством. Борьба за становление Советской власти проходит здесь через самые глубины народной жизни. Эта борьба яростна и непримирима. «Кто ты, человек? С кем ты?» — как бы спрашивает художник каждого из своих героев. Жизнь, национальный характер, картины литовской деревни первых послевоенных лет становятся глубоким гражданским исследованием действительности.

Этот выход в сферу значительных обобщающих раздумий о времени, о людях характерен для многих картин.

Помните отца солдата, простого кахетинского крестьянина Георгия Махарашвили? Разве, глядя фильм «Отец солдата», не чувствовали мы, что словно собрались воедино вся отцовская любовь и ненависть и воплотились в судьбе этого человека?

«Отцом человека» назвал бы я героя молдавской ленты «Последний месяц осени». Потому что нет, кажется, таких дум о жизни, таких глубоких движений сердца, которых не угадали бы мы у этого старого молдавского крестьянина. Его образ, покоряющий искренностью, подлинной народностью, создал актер Евгений Лебедев.

Фестивальные просмотры убеждают — окончилась пора становления национальных кинематографий, родившихся, как в Литве или Молдавии, сравнительно недавно. Сегодня литовскую ленту «Никто не хотел умирать», молдавскую картину «Последний месяц осени», киргизский фильм «Первый учитель» зрители фестиваля называют значительными произведениями советского кино, отражающими его важнейшие творческие поиски.

Художники кино заявляют о себе во всех жанрах. Белорусские кинематографисты показывают на конкурсе киносказку. «Город мастеров» — мастерский фильм. Свежесть приема, взволнованная интонация отличают армянскую документальную ленту «Здравствуй, Артем» — о бесстрашном партизане Артеме Петросяне. Интересная картина показана грузинскими кинематографистами. Кажется, отрезана от всего мира Хевсуретия—суровый высокогорный край Грузии. Своеобычны здесь люди, веками освящены их привычки, устои, неписаные законы долга и чести. Но рассказ о них с экрана не выглядит ни в коей мере архаично. «Хевсурская баллада» (сценарий Г. Мдивани, режиссер Ш. Манагадзе) — поэтическое раздумье о любви, которая выше и сильнее предрассудков. Эстонские мастера еще не показали конкурсный художественный фильм. Но зрителям запомнились их интересная документальная короткометражка «Каменная колыбельная» и превосходная мультипликационная лента «Талант».

Из произведений, созданных во всех советских республиках, складывается широкая многокрасочная панорама фестиваля.

...На орбите — около ста фильмов, творческие обсуждения и дискуссии, десятки встреч кинематографистов со зрителями. Не только в Киеве, — во вторник, например, большая группа «мосфильмовцев» была гостями кинозрителей Белой Церкви. И такие встречи происходят ежедневно. Вновь, как прошлым летом в Москве, выходит ежедневная газета, киевский «Спутник кинофестиваля». Зрители чувствуют себя членами самого авторитетного жюри: в специальной анкете и им предстоит назвать лучших.

Приближается к финалу Всесоюзный фестиваль. Фестиваль большой темы. Серьезных творческих поисков. Фестиваль, свидетельствующий о мужании многих молодых талантов, о ярком росте молодых кинематографий ряда республик.

А. ЗОРКИЙ,
наш корр.
КИЕВ 27 мая. (По телефону).

В творческих объединениях писателей столицы

Закончились отчетно-выборные собрания во всех творческих объединениях московской писательской организации. Состоялся большой разговор о жанрах нашей литературы, о том, как писатели столицы встречают пятидесятилетия Великого Октября.

Председателем бюро своего творческого объединения поэты избрали Я. Смелякова, его заместителями — В. Бокова, М. Львова, П. Арсного, М. Максимова.

Председателем бюро творческого объединения детских и юношеских писателей стал Л. Кассиль, заместителями председателя — А. Алексин, А. Дорохов, А. Некрасов.

Московские драматурги избрали председателем своего бюро В. Розова, а его заместителями — П. Тура, В. Виннимова.

Писатель читает почту

ЛЕТНИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Юрий ТОМИН

ПРЕЖДЕ всего: кто такие туристы и сколько их?

Их так много, что даже... и неизвестно, сколько.

Миллионы рабочих, колхозников, служащих отдыхают и лечатся в здравницах по бесплатным и льготным путевкам. И с каждым годом все больше и больше. На XXIII съезде партии было сказано, что в ближайшие пять лет число мест в санаториях, домах отдыха и туристских учреждениях увеличится больше чем на четыреста тысяч!

Однако же не все едут в отпуск с путевками. Не каждому нужно санаторное лечение. Людям крепким да к тому же и любознательным, мечтающим о новых впечатлениях, не сидится на одном месте. О них-то сейчас речь.

В понятие «турист» у нас входят и пенсионеры, которые наслаждаются горным воздухом в стареньком дребезжащем автобусе Нальчик — Теберда. И приезжающие познакомиться с Ленинградом или Новгородом в специальных поездах и автобусах. И молодые люди в штормовках с рюкзаками. И купившие место в каюте теплохода Москва — Астрахань. И разъезжающие по стране на своих авто, мото, вело (с моторами и без). Скитальцы по рекам и озерам на лодках, плотах, байдарках. Землепроходцы, пешком следующие по излюбленным и неизведанным маршрутам... Еще и лето не наступило, а так, призрак лета. Но уже трогаются в путь, и идут, и едут, и плывут... И с каждым годом все больше. А поскольку на плакатах красным то по белому, то по голубому написано: «Туризм — лучший отдых», — давайте с этого момента будем считать, что разговор идет об организации отдыха значительной части населения страны.

Дальнейшее повествование мне хотелось бы разбить на главы. Порядковые номера глав могут не соответствовать рангу проблемы. Они поставлены в той последовательности, в какой мне их напомнили письма читателей «Литературки».

ГЛАВА I

ДИКАРИ

Слово это настолько вошло в обиход, что его можно уже употреблять без кавычек. А вошло оно потому, что дикари — наиболее многочисленная из категорий отдыхающих, выбирающих маршрут по своему вкусу. Выражаясь языком века, дикари склонны к самопрограммированию. Они составляют себе программы и стараются их выполнить. Ну и естественно... То есть я хочу сказать — неестественно! Но что поделаешь, если уж очень часто выходит так...

«Снова пришлось сидеть на вокзальной скамейке станции Прохладная с вечера до утра только потому, что за 10 минут до прихода бакинского поезда уходит пригородный в Нальчик... Обещанных гостиниц в Терсколе не оказалось, пожалели земляки из альпинистского лагеря, приютили в палатке...

Инструкторы, говорили, что им не велели брать дикарей... Гостиницы снова не оказалось, а полупустой автобус прошел мимо...» — все это из письма Анны Кузьминичны Тишенко из Одессы. И, между прочим, не первый год мыкается она таким образом. И не из упрямства одного, а потому, что хочет побывать там, где автобусы могли бы ходить, да не ходят, поезда могли бы постоять минутку-другую, да не останавливаются. А лет ей отроду пятьдесят семь...

Иной спросит: а чего это ей, немолодой женщине, не сидится в своей Одессе? Уж где-где, а там и солнца предостаточно, и море, и золотой пляж. А потому, что есть, кроме пляжа, и другие земные красоты. И разнообразие таких красот даже мысленно представить себе трудно. И поглядеть их надо своими глазами, насладиться ими собственным сердцем. Если хотите, это одно из сокровенных проявлений того глубокого чувства, которое мы привычно называем любовью к Родине.

Больше о бедствиях дикарей я писать не буду. Писано и переписано. Только я не верю, что дикари не поддаются учету и планированию. Можно рассчитать, что, сколько и когда нужно для них сделать. Прикинуть, посовещаться. И... ждать следующей статьи. Я не настолько самонадеян, чтобы полагать, что моя будет последней.

А чтобы не обижались конторы и организации, которые обслуживают дикарей, замечу, что положение последних улучшилось; за годы дискуссий, жалоб и ответов на жалобы сделано немало: построены новые турбазы, гостиницы, пансионаты.

А чтобы эти конторы не успокаивались, замечу, что положение все же ухудшилось, ибо темпы прироста дикарей опережают темпы прироста усилий по их обслуживанию и благоустройству.

ГЛАВА II

ОТЦЫ И ДЕТИ

«Почему я не могу поехать путешествовать вместе со своим ребенком?» — спрашивает в своем письме в редакцию читатель М. Широков из Ленинграда и тут же сообщает, что правилами ВЦСПС и Центрального совета по туризму такие поездки не предусматриваются.

Если вспомнить, что туризмом считаются и маршруты типа Сочи — Хоста — Новый Афон — Гагра — Сухуми с двух-, трехдневным пребыванием в каждом пункте плюс однодневный автобусный набег на озеро Рица, если учесть, что такой туризм распространен более, чем походы по маршрутам какой-то особой сложности,—одним словом, если говорить о туризме народном, а не спортивном (последним ведают спортивные общества), то следует признать, что ограничения эти требуют пересмотра.

Действительно, почему «до шестнадцати лет»? Ведь возраст для пожилых людей практически не ограничивается. Но физические возможности человека 13—14—15 лет вряд ли уступают возможностям человека 60—70 лет применительно к условиям обычного туристского похода или поездки на теплоходе, автобусе.

Говорят иногда: не рано ли вводить подростка в сообщество взрослых? Насмотрится там всякого... Ну что ж, подкиньте его на лето к бабушке, от которой он будет удирать на целый день. Еще и не такого насмотрится. А если на каких-то турбазах не все благополучно насчет разных сторон морали (прежде всего выпивка, карты и «словеса»), то сами родители наведут порядок почище иного циркуляра. Уж тут их нужда кровная.

Думается, что пришла пора пересмотреть вопрос о «детях до шестнадцати».

А может быть, стоит часть путевок перевести в разряд семейных?

В самом деле, почему муж и жена должны отдыхать не вместе?

Но работающим супругам объединиться для совместной поездки совсем непросто. Путевки они получают каждый в своей организации. Кроме того, каждый может зани-

(Окончание на 2-й стр.)

ЛГ Просит ответить

секретаря ВЦСПС Н. Н. РОМАНОВА

Уважаемый Николай Николаевич!

Сегодня в нашей газете печатаются заметки писателя Юрия Томина «Летние размышления». Вопросы, поставленные литератором, волнуют миллионы людей: речь идет об организации отдыха трудящихся, обслуживании отпускников в курортных местах, в туристских поездках.

Государство уделяет большое внимание этой проблеме. С каждым годом растет число здравниц, увеличивается количество мест в санаториях, домах отдыха, туристских лагерях и пансионатах. Мы знаем, что отдых трудящихся — предмет постоянной заботы профсоюзов. Но растут и потребности людей. Мы понимаем, что, когда речь идет об организации отдыха населения такой огромной страны, как наша, естественны трудности, все сразу не решишь.

Самым массовым видом отдыха у нас стал туризм. Ежегодно любители путешествий — с путевками и без путевок — отправляются в походы, экскурсии, поездки. К их услугам — четыреста пятьдесят профсоюзных туристских баз более чем на сто тысяч человек. В ближайшие пять лет число мест в них увеличится почти на двести пятьдесят тысяч. Все это отрадно.

Но нельзя забывать, что только в прошлом году в походах и экскурсиях участвовало сорок миллионов человек!

В связи с этим, нам кажется, представляет интерес предложение автора статьи «Летние размышления» о создании добровольного общества туристов.

Мы хотели бы обратить Ваше внимание еще на одно предложение. Отдых с детьми ограничен издавна бытующими и зачастую малооправданными правилами. Распределение путевок на предприятиях и в учреждениях не предусматривает совместных поездок членов семьи. Нередко бывает так: муж и жена работают, и оба получают путевки, но в разные сроки, в разные санатории или дома отдыха. Не пора ли пересмотреть этот порядок? Не стоит ли постепенно вводить семейные путевки на отдых, лечение, путешествия?

И, наконец, об освоении туристской целины в восточных районах страны. В последние годы об этом много говорят, немало и сделано. И все-таки богатейшие возможности Сибири, Алтая, Дальнего Востока используются далеко еще не полностью.

За пять лет намечено израсходовать на строительство и расширение туристских лагерей и пансионатов 350 миллионов рублей. Значительная часть этой суммы пойдет на развитие базы массового туризма на Востоке. Возникает такой вопрос: не сдерживают ли поток туристов на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток довольно высокие транспортные тарифы? В самом деле, если человек, живущий в европейской части страны, хочет провести отпуск за Уральским хребтом, он должен потратить на дорогу вдвое, а то и втрое больше денег, чем на поездку в Прибалтику, в Крым, на Кавказ. Не настала ли пора подумать о предоставлении туристам, едущим в отпуск на Восток, льгот для проезда?

Проблема организации отдыха трудящихся весьма многогранна, и мы, понятно, не могли здесь затронуть все ее стороны. Будем рады, Николай Николаевич, если Вы поделитесь с нашими читателями ближайшими планами в этой области и сообщите, в частности, свое мнение о предложениях, высказанных в газете.

СЕГОДНЯ — ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

На пограничной полосе обнаружен след... Группа преследования устремилась по вероятному направлению движения нарушителя.

Радист вышел на связь. Сейчас он внимательно прослушивает эфир — что передают соседние заставы?

«Глаза границы». Лучший солдат заставы, отличник боевой и политической подготовки, секретарь партийной организации Н. Лищенко.

Фото М. Санцева

ГРАНИЦА — В НЕСКОЛЬКИХ ШАГАХ

КАЖДЫЙ человек представляет границу страны по-разному. У бывалых путешественников она ассоциируется со строгими таможенниками, с полосатым шлагбаумом контрольно-пропускного пункта. Из окна международного поезда мы обязательно пристально взглянем на красно-зеленый столбик с гербом Советского Союза. Однако многие люди еще не пересекали рубежей государства, и граница им видится бесконечной красной линией на географической карте. Это представление не так уж примитивно. Граница действительно отмечена на земле линией — бесконечной, проложенной через горные хребты, пустыни, тайгу — пограничной полосой.

Вдоль полосы регулярно идут наряды пограничников, проверяют, не ступала ли на нее нога нарушителя. Охрану определенного участка границы несет застава. Сегодня в газете — фотографии с той самой заставы, где довелось мне прожить несколько дней.

Командовал здесь старший лейтенант Василий Иванович Цокол (он замещал ушедшего в отпуск начальника заставы). Кажется, с газетчиками он любит прикинуться простачком: «Староват, мол, я...» А тело сильное, тренированное. Служил в разных концах страны, выработалось у него своеобразное «чувство границы». Вдоль полосы идет гибко, бесшумно, даже надевает вместо ботинок мягкие резиновые тапочки.

ЧТО ЖЕ такое «моя застава»? Глухая ограда на участке, ворота с пятиконечными алыми звездами, дом с «вечным» фундаментом — глыбы камня вмазаны в цемент, аккуратно выложенные гравием дорожки, любовно разбитая цветочная клумба.

Люди. Их узнаешь в деле.

Рано утром просыпаюсь от оглушительной команды: «Застава, в ружье!» Под грохот солдатских сапог выбегаю из дома. Командир лаконично объясняет строю задачу: «На полосе обнаружен след человека. Перекрываем вероятные маршруты следования нарушителя. Группе преследования — к границе!». Мчимся в газике к тому месту, где найдены следы. Пограничники выпрыгивают из машины (невольно взглядываю на часы — с момента подачи тревоги прошли считанные минуты), быстро ориентируются — сколько человек прошло, свежие ли отпечатки на полосе, предполагаемое направление движения... Движения их торопливы, но четки, выверены (так опытный солдат изящно и быстро собирает и разбирает свое оружие). Потом устремляются бегом в гору. Пытаюсь было удержаться за ними, но быстро устаю, перехожу на шаг. Ребята все удаляются, разбрызгивая сапогами утреннюю росу.

Нарушения границы не было. Старший лейтенант сам ночью выехал на лошади к полосе, проложил учебный след.

Знали ли об этом солдаты?

Сначала подумалось, что да, — должен же человек привыкнуть к тому, что на заставе уже несколько лет не было попыток перейти границу. Ответили мне правильно: «Если будешь думать о том, какой след условный, какой не условный, — нарушителя прозеваешь. Все следы на границе — безусловные».

Нелегкая служба. Каждому приходится пройти за день не один десяток километров по горным тропинкам, которые после дождей размокают, и сапоги скользят по грязи, становятся тяжелее втрое. Днем и ночью, когда на очень яркий луч фонаря ложится на полосу, глаза от постоянного напряжения болят и слезятся.

Западные кинофирмы обильно снабжают экран рассказами о незадачливых служителях кордона, о находчивых контрабандистах, которым явно симпатизирует местное население. Такой сюжет, перенесенный в нашу действительность, оказался бы явной неправдой. Трудно переоценить уважение и любовь, заслуженные пограничниками в своих районах. В близлежащих городах и селах они всегда самые почетные, самые долгожданные гости. Здесь работают добровольные народные дружины, и боевое расписание заставы предусматривает их помощь.

В одном из закарпатских сел создана первая школьная пионерская застава (дети, кстати, наблюдательные и надежные «стражи» границы). Мы долго «мучили» юного командира отделения в подаренной друзьями зеленой фуражке, пытались дознаться, что нравится ему в этом деле и хочет ли он быть пограничником. Мальчишка мялся, смущенно глядел на товарищей. Лишь в упор поставленный вопрос: «Это для тебя игра или служба?» сделал его, кажется, выше ростом. Парень посмотрел нам прямо в глаза: «Служба!».

ЧЕЛОВЕК быстро входит в ритм пограничной жизни. Привыкаешь и к необычному режиму дня заставы. В привычные ассоциации горожанина вторгаются новые впечатления. Впервые попав в штаб пограничников, я подумал: как самое обычное гражданское учреждение.

Теперь же, прощаясь с Закарпатьем, смотрю на проселочную дорогу, и она кажется чем-то похожей на пограничную полосу.

Р. ПОСПЕЛОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА

«ЛИЧНОЕ ДЕЛО»

Л. ОЧАКОВСКАЯ

НЕСКОЛЬКО лет тому назад общественные обязанности впервые столкнули меня с человеческим бесстыдством. Молодая красивая женщина требовала, чтобы муж ее согласился на развод. Он, пожилой, с потухшим взглядом мужчина, резким, привычно спокойным голосом объяснял, что ни за что на это не пойдет для сохранения семьи. Со своим многолетним спором они пришли к нам, трем женщинам, вынужденным заниматься их вопросом. Если бы муж и жена ждали разумного совета доброжелательных людей, если бы просили помочь им найти верный путь, может быть, такое разбирательство и имело бы смысл. Но каждый пришел требовать поддержки своего мнения и безусловного осуждения поведения другого. И сколько грязи, сколько невообразимо гадкого наговорили они друг о друге, не стесняясь нас. Мы для них были не люди, а некая «общественность», которой полагается выслушивать даже то, о чем порядочные люди и вслух то стесняются говорить. До сих пор помню, как молча мы шли по весенней улице, как стыдно было смотреть друг на друга, и одна из нас сказала: «Залягу я сейчас на часок в ванну. Надо помыться».

Наивная вера в обязанность общественности вмешиваться в самые интимные дела иногда просто поражает. Бесстыдство это идет от чрезвычайно низкой культуры и убогой узости интересов и подчас приводит к тому, что люди перестают сами оценивать трезво свои поступки и требования. По-моему, именно здесь и творится безнравственность, иногда доходящая до жестокости.

ВОТ ПРИМЕР. Студент шестого курса физического факультета Александр Ф-в оставил семью. Оставил трусливо, обманывая перед этим жену по крайней мере в течение года. Он не решался объясниться откровенно. Но, по правде говоря, боялся посмотреть в глаза жене, сыну, матери.

Так вот, когда жене и матери все-таки стала известна правда, мать, рассчитывая на естественное сыновнее послушание, на любовь и уважение, которые всегда проявлял к ней Саша, приехала в Москву. Ада Павловна В-ская — женщина твердых принципов. Она сделала все, чтобы устыдить сына, чтобы открыть ему глаза, чтобы пригрозить, наконец. Безрезультатно. Понимая, соглашаясь, что поступил подло, Александр упорно стоял на своем: «Я не могу вернуться к жене, потому что ее не люблю. А сожительство без любви еще более безнравственно, чем уход из семьи».

Что остается матери, кроме слез, стыда, отчаяния? Мягкотелая женщина простит сына, ради его привязанности поддержит любое его решение. И это будет, наверное, подло по отношению к ни в чем не повинному малышу, который по легкомыслию отца остался сиротой. Женщина твердая не простит сына, она скажет ему о своем неуважении, может быть, запретит даже являться в родной дом, но, и запрещая, напомнит об отцовских обязанностях, о праве малыша не быть сиротой при живом отце. Она заставит сына уважать себя и оставленную семью. Ада Павловна, исчерпав все способы воздействия, написала на имя ректора МГУ длинное и убедительное заявление. В нем она заклеймила сына позором и выразила надежду, что «семейное несчастье и горе, которое нам принесли Саша и втянувшая его в любовную авантюру женщина, должны стать предметом серьезного обсуждения на страницах печати... что исключение из университета было бы вполне заслуженной мерой».

Так в сферу семейной драмы была втянута общественность. Надо сказать, что общественность — это не только выборные органы управления, нет, это и неорганизованная масса. К ней тоже апеллировала врач, коммунист В-ская. Она, с согласия коменданта общежития МГУ, вскрыла комнату в отсутствие сына, изъяла из стола все письма «этой ужасной женщины» и, собрав на чаек уборщиц общежития, ознакомила публику с интимной жизнью своего сына.

Заявление разбиралось на двух факультетах МГУ — физическом и юридическом (где учится виновница беды). Надо отдать справедливость, юристы очень спокойно и профессионально ввели склоку в здоровое русло делового анализа человеческих отношений. Здесь не позволили читать злополучные письма. И этим очень удивили Аду Павловну: она читает все письма к сыну с тех пор, как тот перешел в девятый класс. «А как же иначе выяснить круг его друзей и интересов, как уберечь от плохого влияния?»

Разбиралось дело и на физфаке. В факультетском бюро комсомола решили поступить демократично: пусть решают те, кто знает Ф-ва. Дело в том, что до заявления студента Ф-ва ни в лицо, ни списочно в факультетском бюро не знали. Он ничем, по мнению бюро, не выделялся — ни активности, ни нарушений. Правда, я так и не могла понять, что такое в их понимании отсутствие активности. Ведь Александр был отличником, спортсменом, «спасателем» в университетском водном лагере, членом студсовета общежития и просто физиком, чьи работы в лаборатории дали много полезного кафедре при развитии ее основной темы.

Дело разбирали там, где Сашу знали и любили, — на кафедре. Но любовь любовью, а мораль моралью. Сжав зубы, скрыв любовь, Ф-ву железно сказали, что ему ни среди студентов, ни среди комсомольцев не место. Наука не терпит людей, бросающих семью. А уж об аспирантуре, куда его до этого прочили и о которой он сам мечтал, не может быть и речи.

Ф-в выслушал все это, ушел домой и слег. Когда вечером того же дня его пришли звать на заседание курсового бюро, где должны были его еще раз проработать, он не смог встать, его не пустили друзья. Так курсовому бюро и не удалось познакомиться со своим комсомольцем, которого тоже никто из них в лицо не знал. Но кое-кому из студентов и лаборантов, знавших Сашу, многое казалось в нем непонятным и даже подозрительным. Например, его тяга к красивой одежде, его манера по три дня не бывать в лаборатории, а потом неделю сутками не выходить из нее, даже спать тут же, его замашки пижона — на обед одолжить рубль, а с вокзала любимую женщину привезти на такси. Этому всему придавался какой-то особый, таинственно-порочащий Ф-ва смысл. Смешно! Когда я побывала в общежитии МГУ на Ленинских горах, я увидела на студентах такие пиджаки и свитеры, такие шарфы и туфли, что вряд ли Саша мог выделяться на общем фоне.

Но кое-кого все-таки мучила подозрительность. Ее легко было рассеять, стоило лишь захотеть расспросить по-дружески. Не захотели. И поэтому на следующий день после обсуждения Ф-ва отправили в состоянии тяжелого психического расстройства в больницу.

Два месяца провел здесь Саша, но не думайте, что это остановило борцов за чистоту его моральных устоев. В первые же дни к врачу пришла комендант общежития, спросила озабоченно: «Как тут Ф-в? Мне ихняя мама следить велела. Чуть что, говорит, отбей телеграмму». Навестили научные руководители, подбодрили. А на десятый день собралось факультетское комсомольское бюро: заявление все еще сигналило, все еще требовало действий. Здесь заочно, не взирая ни на что, его исключили из комсомола. Не единогласно. Большинством в один голос.

Насколько принципиальным было решение, видно из того, что через неделю, не получив поддержки от руководства факультета, бюро снова собралось, чтобы отменить исключение.

Вот и конец нашей истории. Саша вышел из больницы, он практически здоров. Учится и работает, — потому что сидит без стипендии. Ему разрешили за два месяца подготовить дипломную работу, защитить диплом, сдать госэкзамены и и выехать в Алма-Ату, откуда три года назад его как лучшего из студентов-физиков пригласили учиться в МГУ.

Я не знаю, как сложится дальше судьба Саши. Не знаю, любовь ли то чувство, которое сломало его судьбу, или просто увлечение, которое пройдет, оставив после себя боль и недоумение. Да это и неважно. Важно другое.

ЕСТЬ в нашей бурной и многогранной жизни какой-то кусок, который принадлежит лично каждому, — его интимная, его личная жизнь. Я не считаю, что в нее нельзя вмешиваться. Бывает, что человек запутался, делает глупости, не понимает чего-то. Но почему именно на этом, самом первом этапе люди не вмешиваются? Мы бываем так робки, нам неловко. Почему нам трудно говорить спокойно и доброжелательно с глазу на глаз даже с близким другом? Потому, что боимся испортить отношения правдой, потому, что не хотим (по равнодушию и себялюбию) влезать в чужую жизнь, пока еще не поздно. А вот на собрании, «на миру», мы, не смущаясь, требуем: «Давай подробности!» Это уж не кажется оскорблением, это называется «критикой» и «воспитанием».

Существует в педагогике теория, что характер человека формируется в основном к пяти годам. Потом идет только шлифовка. Мне кажется, что это неверно. Характер формируется всю жизнь, а вместе с ним идет постоянный процесс формирования мировоззрения. Ни одно дело, подобное делу Александра Ф-ва, не проходит бесследно для всех его участников, потому что одни по доброй воле, другие вынужденно проявили, участвуя в нем, все свои душевные качества и сделали для себя выводы на дальнейшее. В таких делах, где целью ставится борьба за высокую мораль, должна побеждать не только какая-либо сторона, а человечность, человеческое в людях, гуманные принципы нашего общества.

ЛЕТНИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

мать разное место в графике отпусков. Очевидно, возможны (и нужны, нужны!) какие-то меры, с помощью которых ВЦСПС мог бы если не исключить, то значительно уменьшить число таких несовпадений и супружеских расставаний на отпускное время.

ГЛАВА III

НА ЮГ, НА ЮГ...

А почему именно на юг? Почему не на восток или даже север? Бывалые дикари давно уже смекнули, что к чему. Забираются на Алтай, на Урал, в Уссурийский край, даже в Долину гейзеров на Камчатке, куда и жителю Петропавловска попасть пока, ой, как трудно!

Если совместить одну ножку циркуля с Москвой, а другой ножкой очертить круг радиусом две — две с половиной тысячи километров, то в западной половине круга окажутся почти все традиционные места отдыха не только жителей европейской части страны, но и значительной части сибиряков и дальневосточников. Под этим напором стонет Кавказ, задыхается перегруженная летом Ялта, покряхтывает Рижское взморье. Большинство стремится на юг и запад без какой-либо особой необходимости. Многие возвращаются, не отдохнув, а истратив силы на споры с администраторами гостиниц и пансионатов.

А всем ли известно, что скрывается в восточной половине круга? Как ни странно, многим. Но знание это часто умозрительное. Слишком мало бывает на востоке наших знакомых, слишком мало слышим мы «живых» впечатлений, слишком мало получаем информации и предложений всяческих бюро и контор.

А уж чего только на востоке нет! Для любителей тепла — районы с жарким континентальным летом, для купальщиков — озера-моря с песчаными пляжами. Нетоптаные леса, горные вершины, не размалеванные надписями типа «Вася М. 1957 г.». А уж для рыбаков и охотников слов нет!

А чего только нет на великих (и совсем нехолодных в среднем течении) сибирских реках! Пожалуй, только турбаз, гостиниц, пансионатов, баз отдыха. Этого, пожалуй, почти нет.

Мне кажется, будущее нашего туризма лежит именно в этом направлении. Кстати, вот и возможность планировать самодеятельные поездки, нужно только создать в этих краях опорные базы для людей, путешествующих самостоятельно. Это избавит юг от перегрузки. Это позволит отдохнуть людям в таких условиях, которые и не снились им на складной коечке в Сочи ценою по рублю за ночь.

Все вышесказанное не мне первому пришло в голову. Я повторяю это лишь для того, чтобы напомнить.

ГЛАВА IV

А У НАС...

А у нас в Ленинграде, как и в Москве, и в некоторых других городах, есть общество охотников и рыболовов. Базы этого общества разбросаны по всей области, практически во всех сколько-нибудь интересных в этом смысле местах. Платим мы в год рубля три взносов. Не знаю, как уж они там справляются, но за сорок копеек в сутки на любой из этих баз мы получаем: лодку с веслами, спасательный жилет, ночлег на кровати. В неделю, следовательно, выходит два рубля восемьдесят копеек без питания. Общество это добровольное, и многие любители пользуются его услугами. Вот мне и пришло в голову: а нет ли возможности организовать нечто вроде добровольного общества туристов с такими вот опорными базами, с инвентарем и прочими услугами. Общество это будет существовать на членские взносы, следовательно, будет иметь средства, и дело, — быть может, не гигантскими шагами, — но двинется вперед неуклонно. Чтобы мое предложение стало окончательно ясным, хочу добавить: это не для спортивного туризма, связанного с присвоением разрядов. И не для поездок типа Сочи — Батуми поездом, обратно теплоходом. Скорее всего общество будет объединять любителей природы и путешествий среди этой самой природы.

Одним словом, обо всем этом стоит подумать и поговорить. Будем надеяться, что коллективный ум и опыт найдут способ улучшить условия и расширить возможности для отдыха наших граждан.

ЛЕНИНГРАД

Вл. ЛИДИН

ВЕНОЧЕК ИЗ КЛЕНОВЫХ ЛИСТЬЕВ

РАССКАЗ

БАБУШКА искусно сплела из больших кленовых листьев веночек, и внучка, которой было пять лет, торжественно ходила с веночком на голове по двору; кто-то, проходя мимо, сказал: «Ах, какой красивый веночек!» — и она ходила по двору и дожидалась, чтобы кто-нибудь еще обратил внимание на веночек и похвалил бы его.

Бабушка стала совсем маленькая и сухонькая, ее глаза под сильными стеклами очков казались из одних сплошных зрачков. Она сидела на скамеечке рядом со сторожихой Симой, и они говорили о том, о сем — домашнем и хозяйственном. Сима была полная, чуть рыхлая и такая большая, что могла бы водить бабушку Марию Степановну за руку, как девочку, и той пришлось бы поспевать за ней.

Ночью прошел дождь, утро было прохладное и так полно насыщенное воздухом, что он казался округлым, и после дождя остались лужи с йодоформной оторочкой от пыльцы цветущих лип. Во дворе было несколько лип, и когда они цвели, тонкий, нежный запах стоял по вечерам.

— Цветут наши липки, — сказала бабушка, — можно и на дачу не ездить.

Сима знала, однако, что Мария Степановна страдает за внучку, которой было бы все-таки получше за городом, чем во дворе, но что же делать, если все так сложилось в жизни... Что делать, если хоть и бьешься всегда за лучшее, приходит нередко и плохое и все уродует.

— Нет, за городом хорошо, — вздохнула Сима. — Я в воскресенье со своим в Жаворонки ездила к его сестре... такой букетище насобирала цветов, что и поставить не знала куда.

— Наши липки хорошо цветут, — сказала Мария Степановна. — И сиренька вся в цвету была, ее поздно осенью посадили, я думала, что она и не примется... нет, наш двор не хуже сада. Анечка, как только встанет, сейчас же: «Пойдем, бабушка, в сад», — и кленки наши хорошо поднялись.

— Кто о людях подумает — у того, какое деревце он ни посади, всегда примется... деревце — оно тоже заботу о себе чувствует.

Мария Степановна посмотрела на Симу, на ее полное, розовое, без морщинок от туго натянутой кожи лицо.

— Вот так-то и оно, — сказала Сима еще, — хорошее всегда в руках человека, только не умеет он иногда удержать хорошее.

Сима некоторое время служила уборщицей при доме для престарелых актеров, бывала не раз со «своим» в Малом театре или в его филиале, а «свой» — Николай Иванович Жуков — работал прежде осветителем в одном из театров, познакомился с Симой именно в доме для престарелых актеров, был после смерти жены одинок и беспризорен, и Сима приняла его в свое большое сердце. Летом на веревке просыхало белье Николая Ивановича, которое стирала для чего Сима, сурово ощупывала, просохло ли оно, и уносила мужские сорочки, которые умела подкрахмаливать так, что Николай Иванович — худой и высокий — всегда словно был готов к выходу на сцену.

— «Любовь золотом не купишь» — в одной пьесе говорится, — сказала Сима. — Я эту пьесу видела... конечно, из прошлого времени, а и сейчас иногда бывает так. Я театр люблю.

— Бог с ним, с театром, — отозвалась Мария Степановна. — Представляют, как должно быть правильно в жизни, а живут совсем иначе.

Сима промолчала, она знала, почему Мария Степановна сказала так, и понимала, что иначе та и не могла сказать. Наверно, если бы все шло правильно в жизни, Анечка не бегала бы сейчас по двору, а была бы где-нибудь за городом, собирала бы цветочки в полях... а липы — что ж, липы пусть цветут себе, деревенского воздуха они не заменят, да и отцветут скоро, и снова запахнет бензином и отработанным маслом от «Волги» и двух «Москвичей», которые днюют и ночуют во дворе.

— По-разному бывает, — сказала Сима неопределенно. — Николай Иванович говорит — артистка Ермолова вроде святой была...

— Так то — Ермолова, — ответила Мария Степановна, и они больше не стали говорить о театре.

Упругий утренний воздух все же поддался солнцу, и стало совсем тепло.

— В отпуск Вера когда пойдет? — спросила Сима.

— В августе, наверно. Я уговариваю ее куда-нибудь на юг поехать... не хочет девочку оставлять, всю жизнь на нее кладет.

— Мать, — сказала Сима, вздохнув. — Насчет матери пьесу хорошую написать — все смотреть ходили бы, да и поплакали бы... а такие слезы на пользу. Я на «Анне Карениной» весь платок в слезах вымочила, и стыдишься соседей, а плачешь.

— Слезами ничего не поправишь, лучше бы не доводить до них, — сказала Мария Степановна, думая о другом.

Девочка опять прошлась по двору в своем веночке, несколько задержалась возле одного проходившего по двору человека, ждала, должно быть, что он скажет: «Ах, какой красивый веночек!» — но человек был озабочен и прошел мимо, не заметив веночка.

— Что же, неужели Вера так весь отпуск и проведет в Москве? — спросила Сима. — Целый год на работе, а у машинисток тоже голова кругом идет... стучат, стучат, у нас в доме для престарелых работала в канцелярии Раиса Федоровна, такая нервная была, я всегда ее жалела.

— Верочка и на дом работу берет, — сказала Мария Степановна. — Нас все-таки трое... а девочке то одно, то другое нужно. Вера для нее ничего не жалеет... всегда и одета, и обута, как надо.

— Анечка у вас хорошо ухожена, — одобрила Сима. — И такая чистенькая всегда.

— Она — аккуратница... сама руки моет и зубы чистит, и напоминать не надо, — похвалилась Мария Степановна. — Да и Вера такая же маленькой была.

— Если Вера в отпуск никуда не поедет, Николай Иванович для нее билеты будет в театры доставать... летом в Москву на гастроли хорошие театры приезжают, — пообещала Сима. — А может, по Волге на пароходе поедет? Николай Иванович тоже может постараться насчет билета.

— Навряд ли, — сказала Мария Степановна, — по Волге навряд ли, — и Сима подумала, что трудно, конечно, справиться со средствами, семья на трех человек, Вера только и зарабатывает, если не считать пенсии Марии Степановны.

— В доме у нас сейчас совсем мало народу осталось... Блюменфельды вчера уехали, и Шубовы и Липеровские — как только начались школьные каникулы, детей поувезли... конечно, если женщина домохозяйка, она может на все лето с детьми уехать.

Во двор зашла почтальон Нюся, сказала на ходу: «С добрым утречком», — и Сима поднялась и пошла за ней, пока та разносила письма по подъездам: Нюся была спорая и аккуратная, знала все новости, и Сима никогда не упускала случая поговорить с ней и разузнать, что делается на свете. Ящики с номерами квартир были установлены во всех четырех подъездах дома, и Нюся быстро и ловко опускала в отделения письма и журналы, а утренние газеты были уже доставлены.

— А во Вьетнаме всё бомбят и бомбят... огнем народ выжигают, вот до чего дошли. Напалмом народ выжигают, — сообщила Нюся.

Сима не знала, что такое напалм, вздохнула только: «И когда все это кончится... мало за войну нагоревались!» — а Нюся ответила: «Капитализм», — и пошла через двор в другой подъезд со своей сумкой.

Мария Степановна по-прежнему сидела на скамеечке, но вдруг как-то странно встрепенулась, словно ее сдунуло, заторопилась куда-то, и Сима обеспокоилась, не случилось ли что-то с девочкой? Она поспешно зашла за угол дома. Мария Степановна стояла поодаль и манила ее к себе рукой.

— Ради бога, погуляйте с Анечкой, — сказала она, и Сима сразу все поняла и взяла девочку за руку.

— Ах, какой красивый веночек! — произнесла она нараспев. — Кто же сплел тебе такой красивый веночек из кленовых листиков? Наверно, бабушка.

— Да, бабушка, — подтвердила девочка гордо, и Сима повела ее, держа в своей большой руке маленькую ручку, к пролазу в заборе. В соседнем дворе не было цветущих лип, зато там играли мальчики в волейбол, и Сима сказала:

— Вот какие шустрые мальчики, давай-ка посмотрим с тобой, как они мячик закидывают. Нам с тобой спешить некуда, постоим и посмотрим.

И они стояли и смотрели, как мальчики стараются закинуть мяч через подвешенную на перекладине между двумя шестами сетку.

Мария Степановна вернулась к скамеечке, на которой сидела, а возле скамеечки стоял высокий, с синеватыми от бритья щеками человек.

— Что же вы убегаете от меня, Мария Степановна? — спросил он. — Я пока еще не какой-нибудь изверг.

Он сказал это чуть вкрадчивым, актерским голосом, чуть бархатным голосом и, видимо, мягкими переливами своего голоса хотел расположить ее к себе.

— С чего бы я стала убегать от вас? — пожала плечами Мария Степановна. — Почтальон разносит почту, пошла взглянуть, нет ли писем нам?

Мария Степановна села на скамеечку, а человек стоял и смотрел сверху на нее, старавшуюся казаться совсем безразличной к тому, что тот пришел.

— Вера на работе? — спросил он.

— А не все ли вам равно, где она, Владимир Константинович?

Человек помолчал.

— Анечку-то я могу повидать?

Под мышкой у него была продолговатая коробка, видимо, с куклой, и Мария Степановна только покосилась на коробку.

— Анечку-то я могу повидать? — повторил он бархатным своим, чуть играющим голосом. — Мало ли, как случается в жизни, Мария Степановна... вы старый человек, должны лучше других понимать это. Мы с Верой разошлись, конечно, но дочь я все-таки люблю.

— Вы, Владимир Константинович, себя любите, — сказала Мария Степановна, — и себя жалеете, поэтому вы и о дочке вспомнили. А я бы посоветовала вам забыть про все это... ушли в свое время и все похоронили сами, а для Веры вы сейчас как и не были. Играйте себе в театре и не трогайте нас, ради бога.

Мария Степановна чувствовала, что вся пылает, не может скрыть это и, наверно, совсем жалкой и беспомощной кажется тому, кто привык представлять для множества людей в зрительном зале.

— Дочь-то все-таки моя, Мария Степановна, — сказал прежним, чуть играющим голосом тот, кого она называла Владимиром Константиновичем.

— Своих детей берегут, своих под колеса не толкают... Ничего мы от вас не хотим, и ничего нам от вас не нужно, это я и за Веру говорю... а девочку мы и без вас вырастим.

Мария Степановна сознательно сказала: «девочка», она не хотела произнести слово «дочь». Владимир Константинович помедлил и присел рядом на скамеечку.

— Вы — мать Веры, я ваши чувства понимаю, конечно, и не обижаюсь на вас. Правда, я давно не появлялся, но за последние годы мне пришлось много поездить, был с театром и на Дальнем Востоке.

— Дальний Восток... — усмехнулась она. — Подале луны, должно быть. Нет уж, Владимир Константинович, вы как себе ездили, так и ездите, а нас оставьте. Все вы не свете потеряли, а если хоть на донышке осталось совести, не являйтесь никогда.

Он посидел еще рядом, теперь уже высокомерный и непроницаемый, и Мария Степановна искоса поглядела на его красивое, с тонким орлиным носом лицо.

— Очень жаль, что некоторые обстоятельства жизни вы не можете понять, — сказал он.

— И не пойму никогда, — отозвалась она, —

ГОД ВЕЛИКОГО КАМЕНЯРА

Сегодня исполняется 50 лет со дня смерти замечательного украинского писателя Ивана Яковлевича Франко. Наш корреспондент К. Григорьев обратился к Александру КОРНЕЙЧУКУ — председателю Республиканского юбилейного комитета — с просьбой рассказать о франковских торжествах на Украине.

— НЫНЕШНИЙ год у нас на Украине называют франковским — исполняется сто десять лет со дня рождения и пятьдесят лет со дня смерти великого сына украинского народа.

В истории нашей литературы и в истории борьбы украинского народа за свою свободу и светлое будущее имя Франко стоит рядом с именем Тараса Шевченко. Великий Каменяр, оставивший нам богатейшее наследство чуть ли не во всех жанрах литературы, — поэт и прозаик, драматург и критик, публицист и переводчик, свободно владевший многими языками; признанный ученый — историк и философ, экономист и социолог; неутомимый общественный деятель, пламенный революционер-демократ, — Иван Франко всю жизнь отдал родному народу, и благодарный украинский народ никогда не забудет его.

Нам особенно дорого это имя еще и потому, что, борясь против социального и национального гнета, Иван Франко всегда оставался подлинным интернационалистом, горячим поборником дружбы между народами, в первую очередь дружбы народов-братьев — украинского и русского. «Мы любим великорусский народ и желаем ему всякого добра, любим и изучаем его язык... И русских писателей, великих светочей в духовном царстве, мы знаем и любим». Эти слова принадлежат Ивану Франко, который неизменно видел в русском народе надежного союзника и друга и которому всегда были ненавистны украинские буржуазные националисты с их злобной и убогой ограниченностью.

То, о чем мечтал и во что так верил великий писатель, сбылось уже после его смерти. Он умер накануне Великой Октябрьской революции, которая дала его народу свободу и счастье, а ему помогла обрести бессмертие: он живет в своих книгах, его именем названы улицы и площади, города, театры, школы, колхозы... Есть село Ивана Франко и город Ивано-Франковск, есть океанский лайнер и университет его имени...

Десять лет назад по решению Всемирного Совета Мира все прогрессивное человечество отмечало столетие со дня рождения Ивана Франко. Имя великого сына украинского народа было внесено в список самых выдающихся деятелей мировой культуры.

В этом году вновь отмечается юбилей великого Каменяра. Наши республиканские издательства «Дніпро», «Молодь», «Веселка» выпускают в свет произведения Франко, «Наукова думка» готовит франковский сборник «Документы и материалы». Четыре однотомника его избранных произведений — на английском, французском, немецком и испанском языках — выйдут в издательстве «Прогресс». Институты Академии наук УССР работают над 50-томным полным собранием сочинений Франко.

Пятидесятилетию со дня смерти писателя посвящается сегодняшний большой литературный вечер в столице Украины. Такие же вечера и лекции состоятся во многих городах и селах республики. Но особенно широко и торжественно будет праздноваться нынешней осенью 110-летие со дня рождения великого Каменяра. Во Львове намечено провести выездную сессию Академии наук УССР и торжественный пленум Союза писателей Украины, на который мы ожидаем гостей из всех братских республик. Торжества будут проходить на родине писателя. Это будет праздник не только украинцев, но и всех советских людей, потому что мы чествуем великого художника и борца, замечательного Человека, идеалом которого всегда были социальная справедливость, национальное равноправие и дружба народов.

КИЕВ

ЭЛЕГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ЛЮБИТЕЛЯ ЭСТРАДЫ

СВЕРКАЯ МЕДЬЮ...

Викт. ОРЛОВ

Я С ДЕТСТВА любил эстраду — наверное, я был испорченным ребенком. До сих пор сохранилось у меня незабываемое впечатление: сверкающая стена музыкантов, светлые костюмы, блестки и блики инструментов, черная фигурка дирижера перед сверкающей стеной. И — музыка...

Наверное, не у меня одного при упоминании об эстраде возникает в памяти эта сверкающая стена. Она символ, олицетворение того, что мы называем эстрадной музыкой.

Но почему именно стена? Всегда стена — и обязательно стена?

Музыканты могут стоять, могут сидеть полукругом (наиболее отважные режиссеры размещают их «вразнотык», на разновысоких станках), но принцип незыблем и вечен. Монолит оркестра — и некое действо, разыгрывающееся перед монолитом. Поющие солисты. Акробатическая пара. Конферансье, в меру или не в меру остроумный...

Нет, я не касаюсь чисто профессионального мастерства, таланта, музыкальности. Все мы знаем, чем отличается, скажем, один из лучших оркестров, профессиональнейший коллектив Олега Лундстрема. Мы отличим резкий почерк Константина Певзнера от солидности и милой сердцу традиционности Леонида Утесова. Речь пойдет о том, что классики называли «лица необщим выраженьем».

...ОРКЕСТРОВАЯ «стена» — один из самых внешних и самых примитивных признаков некой нивелировки наших эстрадных коллективов. Но и она, стена, о многом говорит.

Концертная форма стала единственно возможной и единственно мыслимой. Это в эстрадном искусстве, синтетическом по своему происхождению, искусстве разнообразнейших возможностей! Так что же мы делаем? Уж если эстрада сама по природе своей стремится к синтезу, к калейдоскопу, к смене жанров, к привлечению в общее веселое дело родственных форм искусства — балета, эксцентрики, мимики, скетча; если все это так, то почему же мы ограничиваемся все тем же малым джентльменским набором: пьеса — певец — акробаты — анекдот конферансье — и снова пьеса? Всюду — от Москвы до Владивостока, с южных гор до северных морей однообразные, как станции в железнодорожном расписании, мелькают эти номера в неумолимом своем порядке...

Впрочем, иногда бывает иначе. И хуже. В наши дни уже стали пищей для пародистов так называемые «тематические представления». Именно современные «тематические представления» в их куцем и уродливом виде, а отнюдь не сама умная идея тематического представления. Создаются такие «игрища» до удивления легко. Придумывается первая попавшаяся идея. Вспоминается строчка из песенки. Скажем, «Пароход идет «Анюта». Скажем, «В жизни раз бывает восемнадцать лет». В лучшем случае пишется вступительный фельетон про Анюту. В худшем — дело ограничивается двумя строчками текста и парой париков. А дальше все идет как заведено: конферансье — солист — пьеса—акробат—конферансье...

В одном южном городе я видел «тематическое представление», прелестное по своей откровенности. Названием для представления был выбран не то какой-то романтический, из эпохи Дюма, термин, не то имя его героя, скажем, граф Монте-Кристо. Вышли двое ведущих в костюмах и париках времен благородного графа. Заверили публику — мол, сегодня мы будем играть в Монте-Кристо. Затем сняли парики и начали петь про управдома и про тещу...

Конечно, я не упоминаю ни названия, ни имен авторов намеренно. Во-первых, потому, что это — общая беда. Не все ли равно: граф Монте-Кристо, капитан Гаттерас или «мальчишки-мальчишки»? Суть-то одна... А во-вторых, я делаю это, чтобы не устраивать жупела из талантливых, ни в чем не повинных артистов. Ибо известно, что тексты пишут не они сами. Что наша эстрада, до отвала напичканная анекдотами про тещу, в то же время задыхается от недостатка настоящих тем, настоящей эстрадной драматургии.

ЧТО же получается? В первом случае: откровенная оркестровая «стена» и номера перед стеной — как десять, как двадцать лет назад. Во втором: попытка связать музыкантов с акробатами, куплеты с фокусом — внешней, натужно придуманной ниточкой «про Анюту», «про весну», «про дождик»...

А может быть, нет дыма без огня? Может быть, внешнее однообразие — лишь следствие неразнообразности внутренней? И немудрые внешние «привязки» бытуют именно потому, что нет внутренней, органической, своеобразной и неповторимой «идеи коллектива», которая сама рождает яркие формы выражения?

Грустных доказательств тому сколько угодно. Одно из них — «шлягеризм», явление в эстраде довольно настораживающее. Десятки разных оркестров исполняют новомодные песенки-шлягеры, исполняют до головокружения одинаково. Я не касаюсь здесь разных интерпретаций по-настоящему глубоких песен, вроде «Песни о любви» Островского и Ошанина,— я имею в виду, скажем, надоедливую «рыжую девчонку», которая топочет свое ча-ча-ча на десятках эстрад...

А коллективы, возглавляемые «разговорниками» — известными куплетистами, конферансье, фельетонистами? Почему их очень индивидуальные номера перекликаются все теми же нивелированными песенками, танцевальными и иными эстрадными «фестончиками» и «рюшечками»? Не потому ли, что нет общей идеи, стержня, наконец общего стиля?

ДА, именно к прояснению черт лица, стиля, неповторимости каждого коллектива тяготеет эстрада. И не стоит каждый раз ссылаться на классический пример неповторимости райкинского Театра миниатюр. Можно вспомнить довоенный московский Мюзик-холл, так не похожий на современный «концертирующий». Можно вспомнить, какой блестящий, ни на что и ни на кого не похожий «Музыкальный магазин» открыл на заре своей деятельности Леонид Утесов. Можно обратиться и ко временам недавним, когда на сцене Театра эстрады было поставлено многожанровое представление «Пришедший в завтра»...

Можно вспомнить, наконец, что многие заслуженные коллективы и исполнители появлялись на эстраде, приходили как нечто новое, как художественные открытия — и в этом был смысл их прихода. Не всегда легок был приход — ну, что ж. Тяжко пробил свой путь Утесов — но пробил, пришел, и с ним пришел стиль, пришло то, что мы сегодня называем советской эстрадной песней. В свое время Шульженко обвиняли в смертных грехах сентиментализма и мелкотемья, — но вместе с ней начался рассказ о сокровеннейших человеческих чувствах. Лундстрем получил свою порцию хулы от доморощенных пуритан, допускающих джаз в пределах от рябины кудрявой до калины красной. Но, пожалуй, именно благодаря ему мы поняли, что под джаз не только шаркают ногами, джаз — слушают.

Вы скажете — эти имена чуть-чуть устарели, чуть-чуть старомодны. Но что сегодня? В чем, скажем, открытие и смысл каждого из джаз-ансамблей, разъезжающих с любой мало-мальски голосистой певицей, одинаковых, как саксофоны, на которых они играют? Эдуард Хиль — прекрасный певец. Столь же прекрасный певец Иосиф Кобзон. Но в чем их явная «особинка», где яркие различия в направлении, мысли, репертуаре?

Не секрет, что наши композиторы, написав песню, часто гадают, кому ее отдать, раскладывают, как пасьянс: тому, другому, третьему? И в этом — обидное обвинение и песням, и певцам. Ну, а представьте себе, что истинно «бернесовскую» песню попытался бы спеть кто-то другой. Да нет, кажется, и не пытались...

Статьи иллюстрированы рисунками заслуженных художников РСФСР А. Елисеева и М. Скобелева.

Так что старички пока дают молодым много очков вперед. Их юность была трудной, но и богатой. Богатой тогдашней новизной, тогдашними поисками и открытиями, творческой необходимостью их прихода на эстраду. Сегодня мы берем количеством. Количеством устрашающе талантливых, устрашающе одинаковых исполнителей, а не новым, острым, неповторимым качеством.

Несколько удачных эстрадных программ. Динамические поиски ансамбля Эдиты Пьехи. Обращение Гелены Великановой к специфически своему репертуару. Недавнее создание вокально-инструментального оркестра Юрия Саульского и ансамбля современного танца...

Все это вселяет надежду — надежду на будущую желанную многоликость. На то, что наши коллективы и исполнители разойдутся наконец в стороны от уютной и вытоптанной концертной поляны и начнут искать каждый свой путь, свою нехоженую тропу. На то, что будут подхвачены и развиты поиски новых эстрадных форм и главное — новых тем, от самых личных до высокогражданских. На то, что за пестротой афиш не будет мерещиться одна и та же «сборная солянка» под очередным лихим названием «Давайте не будем» или «Давайте будем», а откроется каждый раз разное: то строгий, чуть педантичный концерт, то разудалая, почти цирковая буффонада, то драматическая эстрадная пьеса, то непрерывный и напряженный «монолог», разговор со зрителем любимого мастера, которому есть чем поделиться, есть о чем поведать, кроме того, что «сегодня солнце влюблено»...

И еще одно. Мы создаем коллективы «по именам». А не попробовать ли создавать их «по темам», «по стилям»? А иным старым заслуженным коллективам помочь заново прояснить свои черты, приобрести неповторимый артистический облик, найти свою стержневую гражданскую и художественную тему?

ДА, МУЗЫКАНТЫ должны играть, а певцы — петь. Чем выше будут их чисто профессиональные качества, тем будет радостнее. Но бедна будет наша радость, если, как прежде, сверкая медью, будет возвышаться перед нами неприступная и безликая оркестровая стена и безликий конферансье в паузах будет все так же рассказывать анекдоты про тещу...

Стихи узбекских поэтов

Аскад МУХТАР

***

Как закон тяготенья всемирного
утверждает планету в просторе,
так и нас —
не давя и не милуя —
этой силой сплачует простою.
Кто собою самим пробавляется,
промелькнет —
и забыт в одночасье!..
...Кто-то счастлив — и мне
прибавляется
беспричинная толика счастья.
Чье-то горе по городу рыскает —
сердце горестно
шаг умеряет.
С чьей-то смертью, далекой
и близкою,
и частица меня
умирает...

***

С зарею встанешь. Поглядишь
в окно.
Все за окном неведомо и сине.
Вагон трясет.
И столбик, точно гном,
подпрыгнув,
в тени прячется косые.
Забытый сон, как сор,
Рукой смахнешь.
Ночь поведи!
Давно ли о днем
прощались?
И снова день!..
Пока ты спал, сквозь ночь,
как сквозь тоннель,
вы с поездом промчались.
Что ночь в вагоне?
Тьма и тьма в окне!
Подушку взбить —
и сном забыться мирно...
Но сколько станций,
станций и огней,
пока ты спал,
в ночи мелькнуло мимо!

Перевел с узбекского Александр НАУМОВ

Саида ЗУННУНОВА

***

Порой, поддавшись волшебству
природы,
Ты к горизонту устремляешь
взор,
Где краски, как закаты
и восходы,
И опалят, и увлекут в простор,
Где, будто пряча красоту, витают
Туманы, горный веселящие дни,
Где видятся прекрасными
все дали, —
Любая даль вас очарует вмиг.
И поманит, летящая. Но только
Ты не спеши, не торопись идти.
Взгляни под ноги — ведь
взглянуть недолго, —
Не смял ли розу на своем пути.

Юсуф ШАМАНСУР

***

Что ни день — наш календарь
раздает,
С ним летят субботы,
воскресенья.
Каждый день — приходит тонко
в день
Летом, и зимой, и в дождь
осенний.
День один — металлы выдает,
День другой — для малышей
черешни.
Третий день в горах не устает
Собирать и травы, и чернику.
День четвертый, запахнув халат,
В клинике сражается со смертью,
И кричит из космоса: «Салям!»
Новый день, шагающий на смену.
Дни... Они, как древо у воды,
Что весь мир, поднявшись,
расширяет.
Как с ветвей тяжелые плоды,
Листики календаря слетают.

Перевел с узбекского В. ЛУКЬЯНОВ

лучше и не старайтесь растолковывать. А если себя облагородить хотите, то ведь не театр тут, а жизнь, вы это учтите все-таки.

— В этой коробке хорошая немецкая кукла. Передайте Ане.

— И куклы не надо, — сказала Мария Степановна. — Господи боже ты мой, неужели вы, Владимир Константинович, так ничего и не поняли до сих пор?

Потом Мария Степановна сидела на скамеечке одна, а рядом лежала коробка с куклой, оставленная Владимиром Константиновичем Азначевским, некогда мужем Веры, некогда отцом Анечки, некогда ее, Марии Степановны, приемным сыном, как она хотела думать тогда...

Мария Степановна поднялась, пошла искать Симу с девочкой и увидела их сквозь пролаз в заборе. Сима держала девочку за руку и говорила нараспев:

— Ах, какой мячик упрямый, опять ускочил... ну что за мячик такой! — потом оглянулась: — А вот и бабушка пришла, — и переложила ручку девочки в руку Марии Степановны.

— Ну, что? — спросила она тревожно, когда они вернулись в свой двор.

— Ничего, — ответила Мария Степановна. — Ничего и не было.

Девочка снова стала прогуливаться по двору, ждала, что кто-нибудь одобрит ее веночек, а Мария Степановна и Сима сели на скамейку, и Сима покосилась на продолговатую коробку.

— Ничего и не было, — повторила Мария Степановна. — А коробку эту какой-нибудь соседской девочке отдайте, я и не заглянула в коробку.

Сима взяла коробку и положила себе на колени. Она думала о том, как бесстрашно, должно быть, защищала свое гнездо эта маленькая, сухонькая старушка, и вспомнила, что раз выпал из воробьиного гнезда птенец и мать, раскрыв клюв и растопырив крылышки, пугала ее, Симу, водмелтавшую двор, пугала изо всех сил, а у самой, наверно, сердчишко разрывалось от страха.

— Я, Мария Степановна, тоже так понимаю: не уберег свое — и дороги обратно не ищи... и это правильно, что вы на пороге, вы — мать и должны быть на пороге. А для матери дочь всегда дитя, сколько бы лет ей ни было, всегда она дитя для нее, и это правильно, что вы на пороге стоите. Я ведь все понимаю, Мария Степановна, только молчу: и вас, и Веру понимаю, и что в коробку эту вы и заглянуть не хотели — тоже хорошо понимаю. Отдам дворничихе, ее девчонка осенью в школу пойдет, а пока еще в куклы играет.

Сима взяла коробку с куклой и вышла на улицу, а Мария Степановна осталась сидеть на скамеечке, она потухла и устала от волнения, ее лицо и

Рисунок И. Заварживского

теперь еще пылало, а сердце туго стукало в ребра, по временам замирало, и тогда Мария Степановна пугалась и думала о том, что, не дай бог, Вера с девочкой останутся без нее, как они без нее будут жить? Нет, ей нельзя их оставить, вся ответственность теперь на ней, и нужно жить, и гулять с внучкой, и готовить обед, чтобы Вера, вернувшись с работы, сразу могла сесть за стол. А машинка под чехлом уже ждет ее, и сразу же после обеда, только отдохнув немного, Вера примется стукать на ней, и нередко под стук машинки она, мать, засыпает, а дочь все стучит и стучит...

Во двор вошел газовый мастер, приходивший в дом проверять плиты и колонки в квартирах; Мария Степановна давно знала его, вежливого и молчаливого, его все сокращенно звали «Павлик», хотя ему было за тридцать лет. Он поздоровался с Марией Степановной, пошел по двору со своим чемоданчиком, от которого всегда жирно пахло копотью газа, а навстречу, немного красуясь и немного кичась своим нарядом, шла Анечка, и Павлик задержался на минуту и сказал: «Ну и красивый веночек» — и девочка порозовела, она давно ждала, что кто-нибудь скажет так, и скромно прошла мимо, подошла к бабушке и остановилась у ее колен. Она хотела знать, слышала ли бабушка, что сказал человек с чемоданчиком, но, должно быть, бабушка слышала, потому что притянула ее к себе, немного щекотно поцеловала в шейку и утвердила попрочнее съехавший на сторону веночек из кленовых листьев, позади которого свисала крохотная косичка с красным бантом на кончике.

ИЗ ОПЫТА СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АСЕЕВ НАЧИНАЕТСЯ

Лев ОЗЕРОВ

ПРОЩАЯСЬ, медленно закрываю дверь и во все уменьшающуюся щель вижу провожающий меня взгляд, широкую синь глаз, настолько в это мгновенье пристальных, что они кажутся мне темными, полными жажды жизни и последнего понимания ее неповторимости. Это было так недавно.

И вот уже наступает время для характеристики Николая Николаевича Асеева и его более чем полувековой работы. Тотчас же после смерти поэта в издательстве «Художественная литература» вышел пятитомник его сочинений, состав которого определил еще сам автор и которое выходило под редакцией Н. Крюкова.

ПОЭТЫ ведут себя, как горные цепи, когда на них смотришь в пути из окна вагона. Кочки и холмики предгорья, мелькнув, быстро проходят мимо. Горы первой и второй гряды заходят друг за дружку, исчезают, чтобы снова появиться и снова исчезнуть. И только снеговые вершины недосягаемо сияют на всем пути следования. Какие бы ни намечались кумиры, как бы ни трезвонили о них любители и поклонники, они уходят из поля зрения, если истинная их высота не позволяет им возвышаться над другими. Какую бы ни устанавливали иерархию и очередность, время ломает эти предначертания. Это относится даже к классикам. Нет постоянно занимаемых мест и навеки утепленных гнезд. Все находится в движении, и все переоценивается современниками, их живым отношением к наследию.

Переоценка ценностей и изменение масштабности явлений говорят не о непрочности репутаций, а о живом отношении к художественному слову, о желании глубже, чем прежде, понять самый процесс.

Меняется не только масштабность поэта во времени, — меняется соотношение разных частей его наследия. Было время, когда во главу угла у Маяковского ставились его агитки, его плакаты и подтекстовки. Для своего времени эта работа была подвигом. Теперь их значение не кажется мне первостепенным не потому, что мы с вами намерены отвадить поэта от служения «злобе дня». Нет, если мы хотим смотреть правде в глаза, — реальный читатель сейчас не обращается к этой части наследия Маяковского, она имеет историческое значение. Прежде поэт обращался ко всем одновременно («Всем! Всем! Всем!»), теперь он обращается к каждому в отдельности и таким образом — ко всем.

Такой же путь прошел Асеев. Наиболее сильная часть его наследия, на мой взгляд, — это проникновенная лирика. «Курские края», «Высокогорные стихи», которые в свое время считались неким отвлечением от темы дня, его «Лад», «Самые мои стихи», «Лирическое отступление». Именно эти вещи несут несравненно большую службу времени, чем приуроченные к датам и фактам агитки и стихотворные фельетоны. Кстати, отмечу, что с годами меняется самый характер газетной поэзии. Лирика природы и любви, философских раздумий, легла на полосы «Известий» «Недели», «Комсомольской правды», «Труда»...

Была пора, когда для многих и многих новаторство обозначалось как умение решительно отвергать стилевые каноны. Пусть даже автор излагает прописные истины, пусть мысль его банальна. Лишь бы он писал «не так». Сейчас же новаторство без бесстрашия правды, без умения заглянуть в глубь явления — пустой звук. У нас много умелых, но досадно мало глубоких и цельных художников, самостоятельно направляющих читателя, вводящих его в круг самых важных для общества интересов.

Уголь приближается к алмазу
на одну, а много сотен лет:
так народом медленно, не сразу
выдается на-гора поэт.

ВРЕМЯ превращает уголь в алмаз. Искусство обладает способностью делать подобное в гораздо более короткие сроки. Для этого нужна высочайшая температура таланта. Но и этого мало — к таланту нужны еще гражданственность и совестливость и в их неразрывности.

Одним из первых в нашей поэзии Асеев эмоционально освоил опыт революционной истории, ее начало, ее развитие. «Я не слагатель од благолепных и в одописцы не тщился попасть...» Это была лирика, доселе неслыханная и невиданная.

В те дни
мы все были молоды...
Шагая,
шныряли сквозь дверьми,
И шли поезда
из Вологды,
и мглились штыки
в Перми.

В недрах лирики вызревал, рождался эпос. Работая в архивах Истпрофа ЦК Союза горнорабочих, Асеев нашел материалы, вдохновившие его на создание поэмы «Семен Проскаков». Это в нашей поэзии одна из первых попыток создания эпического характера, в дальнейшем подхваченная и продолженная другими художниками. «Ревущий ветер героики» вошел в строки этой поэмы о шахтере-красногвардейце. Именно в эту пору плечом к плечу с Проскаковым встали герои эпоса других советских поэтов, образуя галерею новых характеров нового времени. Все это было задолго до наших дискуссий о том: быть эпосу или не быть? Быть! — решительно приказывало время. В становлении стиля Асеева обозначились его обращенность к кратким и точным характеристикам времени, общества, строя. «Этот народ был огромен. Пустынная синь и весь ...Из Тул и Калуг, из Рязаней и Ромен он двинулся сразу весь» — в «Опыте портрета». «Были: каторга, цепи, централы, бессрочная тьма... Свод законов Российской империи дыбил тома» — во «Владимирском тракте». Предельная сгущенность поэтической речи. Отказ от несущественных деталей. Только те явления, которые обозначают эпоху.

Умение сгущать приметы, выделять главные черты характеров и событий. В поэме о Маяковском характеристика его начала:

А рядом —
менады, наяды, дриады!
«Царь Федор Иваныч»,
шаляпинский туш,
концерты, концерны,
постанки, подряды...

Одни существительные без глаголов, их сочетание, их смена — и перед глазами живая эпоха. Слово — образ, вбирающий время, характеры, уклад.

ЧИТАЯ этот далеко не полный пятитомник, видишь, что на опыте Асеева можно проследить становление русского поэтического языка за минувшее пятидесятилетие. Один конец асеевской радуги уперся в 10-е годы века, другой — в шестидесятые. Все оттенки русской речи — от древней летописи до говора партизан и шахтеров, от раскованной песенности срединной России до броской плакатности газет первых пятилеток. Наши большие поэты — уроженцы разных городов и сел — каждый по-своему вносили свой вклад в сокровищницу поэзии. Есенин открыл рязанские красоты. Асеев — курские.

Стойте крепче. Вы мое оплечье,
вы мои деды и кумовья,
вы мое обличье человечье,
курские края.

Не только в этих стихах, прямо обращенных к курским краям, а во всей асеевской поэзии слышатся курское соловьиное щелканье, заревое пламя над лесами России, восторг рабочего утра. На поэтическом слоге Асеева, на его словаре, песенности, мелодическом строе, на его образах воспитывались и мы, и будут воспитаны грядущие поколения.

Говорила моя забава,
моя лада, любовь и слава:
«Вся-то жизнь твоя — небылица,
вечно с былью людской ты
в ссоре,
ходишь — ищешь иные лица,
ожидаешь другие зори...»

И — верно: зачем искать иные лица, ожидать другие зори? Наше богатство — с нами рядом, в нас самих. Тем более, что Асеев — поэт, не только тонко чувствующий и глубоко мыслящий, но и постоянно проверяющий свою практику теорией. И по стихам, и по статьям Асеева мы можем изучить становление художника. Многочисленные его статьи о стихе, о языке, о ритмике, об интонации, о творчестве предшественников и современников принадлежат к нашим лучшим образцам русской критической прозы о поэзии. Это наследие еще не изучено.

СОЗДАННЫЙ многими нашими классиками и увенчанный поэзией Блока, элегический строй был «взорван» поэтами нового времени. Этот «взрыв» таился в недрах поэзии самого Блока и завершился «Двенадцатью». В разное время элегический строй «взрывали» Маяковский и Пастернак, Асеев и Тихонов, Сельвинский и Багрицкий, Светлов и Луговской — каждый по-своему. Говоря «элегический строй», я имею в виду не только интонацию, но и умонастроение, просто настроение, отношение к жизни, идею. В ту пору, когда Асеев звал бить в тулумбасы, а Маяковский — шагать левой, лишь немногие поэты предполагали, что элегический строй не равен старому миру, не тождествен царизму, — хоть остроту Маяковского о старой форме как о белой форме надо понимать как шутку, а нежелание бежать перед колонной демонстрантов со строками «Онегина» — только как полемический прием. К середине столетия элегический строй снова вернулся в нашу поэзию, вернулся на новой основе, вместе с философской лирикой, раздумчивой интонацией, вместе с желанием поэтов говорить не только на площадях, а и с глазу на глаз с собеседником. Борьба за овладение духовным миром человека, плацдармом одной души, индивидуумом не была «реставрацией». Она была велением времени. Поначалу элегическому строю противопоставлялась новая, мажорная, маршевая интонация, призыв, лозунг.

Искатель нового стихотворного строя, Асеев со всей энергией молодости взялся за решение больших задач эпохи, и его наибольшие удачи остаются образцами до сих пор. Даже создавая реквием, поэт находит новые, небывалые прежде слова:

Умираем? Нет, не умираем, —
порохом идем в тебя, земля!

СТАЛО общим местом говорить о Маяковском и Асееве слитно, синхронно. Асеев превратился как бы в прилагательное к Маяковскому. Да и сам Николай Николаевич, так много сделавший для популяризации наследия Маяковского, закрепил за собой место рядом с ним. Если собрать воедино написанное Асеевым о жизни и работе его друга, набралось бы добрых два-три тома (я высказал эту мысль Николаю Николаевичу в больнице, незадолго до его смерти: «об этом я могу только мечтать!» — тогда произнес он). К этому надо добавить стихи Асеева о Маяковском и поэму-биографию «Маяковский начинается».

Верно, у Маяковского и Асеева программа была общая, но решали они ее по-разному. У Маяковского преобладал тон, у Асеева — полутон. Маяковский — на резком ораторском жесте, Асеев — на песенном движении слова. Маяковский — на размашистой поступи, Асеев — на ритмичном, размеренном шаге. Отказавшийся от пристального взгляда на природу, Маяковский, мне думается, как бы передоверил Асееву пейзаж, песню, раздумье. У Асеева свой особый путь. Когда оба поэта были живы, все подчеркивали черты их общности. С годами мы будем все более и более подчеркивать черты их различия, более того — удивительной несхожести. Настает пора раздельного рассмотрения работы обоих поэтов.

На протяжении многих лет два поэта-современника владели сердцем Асеева. Это — Пастернак и Маяковский. Наши с ним разговоры об этих поэтах длились тридцать лет. И в итоге этих бесед я понял: наиболее счастливый период жизни Асеева был тогда, когда Маяковский и Пастернак дружили. «Словно две половинки моего сердца сошлись», — говорил Асеев. И какой для него трагедией было, когда разошлись их пути!

Читая Асеева, понимаешь, что его стихи, приуроченные к датам, написанные на случай, продиктованные программой ЛЕФа, часто не выдерживают испытания временем. Они представляют исторический интерес. Говорю это не потому, что хочу тянуть всех в сторону вечных тем, а оттого, что современная тема понимается нынче глубже и по-иному, чем в ту печальную пору.

ОТ СБОРНИКА «Зор» (1914) до книги «Лад» (1961) — почти полвека. Последние стихи — с большим заглядом в будущее, если хотите — его предвосхищение. Всем известны уже ставшие классическими «Еще за деньги люди держатся...», «Мед и яд», «Оставаться самим собой». К ним можно и должно добавить многие вещи позднейших лет. Чтение пятитомника наводит на размышления не только о пути Асеева, но и о путях развития нашей поэзии сегодня и завтра.

Забота о масштабности. Не мельчить поэзию, не сбиваться на бытовщинку. Давать человека крупно. Асеев не терпел дробности чувств, мельтешенья слов. Огромность без гигантомании, широта без расплывчатости.

Здесь есть чему поучиться. Чему же? Горячности лирического отклика на события жизни, человека, страны. Естественности движения стиха, родниковой чистоте русской речи, рожденной в данном случае под Курском во Льгове и слышимой по всей России. Отборное зерно слов. Структурная почва поэзии, противостоящая развалу и рыхлости образных построений, регистрирующих поток сознания. Отбор, дисциплина, железная организация стиха, звукопись. Взгляд на рифму не как на побрякушку в конце строк, а как на один из способов общей звуковой организации стиха. О многом, очень многом заставляет думать Асеев...

...Когда я глядел на Николая Николаевича Асеева, слушал его, когда я теперь перечитываю его книги, — передо мной образ времени, нашего времени. Мечта юноши, сказавшего еще в 1916 году: «...эту красную грозу я первый к звездам донесу». Ранние революционные годы...

Поэзия Асеева взывает к масштабности, выступает против мелкой бытовщины, которая чувствуется еще в нашей поэзии. Асеев требует:

Вещи — для всего народа,
Строки — на размер страны,
вровень звездам небосвода,
в разворот морской волны.

Крупный поэтический план, высокогорность — вот о чем речь.

И дальше, дальше развертывается поэтическая летопись революционной истории, летопись пристрастного сердца.

Остается добавить, что существует не уместившийся в пятитомник неизданный Асеев, ждущий прочтения и понимания.

СНОВА КРОВЬ, СНОВА МУКИ...

17-летнего парнишку задержали в зарослях неподалеку от Сайгона. Пытаясь скрыться, он выбросил из кармана пригоршню патронов. Прямое свидетельство связи с партизанами... Озверевшая солдатня стала избивать его, требуя признания, имен. Мальчик молчал. Он продолжал молчать и тогда, когда палачи схватили его 55-летнего отца. «Если не заговоришь, мы убьем твоего отца. Даю тебе две минуты на размышление», — сказал американский офицер.

Американский военный корреспондент Шон Флинн описывает на страницах западногерманского журнала «Штерн» эту страшную сцену:

«Спустя 15 секунд американец показал мальчику на часовую стрелку. Пленник закусил губу и продолжал молчать. Американец то и дело подносил к глазам мальчика часы. Прошло две минуты. Тогда американец отдал приказ: «Расстрелять стервца!»

Мальчик поднял глаза. Раздался выстрел.

Мальчик вздрогнул... Он бросился на землю и застонал...»

Допрос возобновился, но юноша по-прежнему молчал. «Будешь говорить?» — обращались к нему все снова и снова. «Нет! — кричал он в ответ. — Нет! Нет!»

Ни слова не проронил, несмотря на нечеловеческие пытки, и староста деревни, где жил парнишка. Тогда его подвесили головой вниз к одному из деревьев (см. фото).

Оба смелых патриота погибли. Погибли, как гибнут ежедневно десятки мирных, ни в чем не повинных жителей Вьетнама от руки американских палачей и их подручных.

полемика

УГРОЖАЕТ ЛИ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ?

Станислав СТРУМИЛИН,
академик

В ДИСКУССИИ о проблемах народонаселения, ведущейся на страницах «Литературной газеты», затронут широкий круг вопросов. В своей статье я хочу остановиться на неомальтузианской теории и практике, которые требуют самой серьезной критики.

В. И. Ленин еще в 1913 году писал с полным убеждением: «...Мы безусловные враги неомальтузианства, этого течения для мещанской парочки, заскорузлой и себялюбивой, которая бормочет испуганно: самим бы, дай бог, продержаться как-нибудь, а детей уж лучше ненадобно». Опасность перенаселения, о которой пишут теперь многие ученые, по моему мнению, нереальна. Нам нет нужды вторгаться в интимные семейные отношения, пропагандируя или запрещая какие-либо таблетки. Не пилюлями ведь решаются большие социальные проблемы. Но социальное учение неомальтузианства нам враждебно. И великий Ленин был прав. «Сознательные рабочие всегда будут вести самую беспощадную борьбу против попыток навязать это реакционное и трусливое учение самому передовому, самому сильному, наиболее готовому на великие преобразования классу современного общества».

Исходя из нынешних норм рождаемости, ожидается удвоение населения мира уже в ближайшие 35 лет. Однако так ли это все страшно? Как известно, к началу 1965 года плотность всего населения Земли не превышала 24 человек на квадратный километр. Допустим даже, что к 2 000 году эта плотность повысится до 48 душ на квадратный километр. Но ведь и ныне уже немало стран намного превзошли эту норму.

Например, во Франции к 1965 году насчитывалось до 88 душ на квадратный километр, в ГДР — 157, в Италии — 177, в Великобритании — 222, в Японии — 264, а в Нидерландах и Бельгии — даже свыше 300 душ. И ни одна из этих стран не поменялась бы, конечно, своей судьбой даже с такими из африканских республик, где и двух душ не приходится на один квадратный километр. Весьма сомнительно, много ли найдется охотников эмигрировать за хлебом на пустую Луну до тех пор, пока им и на Земле не худо. Не следует пугаться высокой плотности населения, если она сопровождается достаточным ростом производительности его труда и уровня жизни. Но прежде всего нужно ясно представлять себе основные тенденции и закономерности развития народонаселения.

И в этом отношении «закону» Мальтуса, по которому населению приписывается тенденция возрастания в геометрической прогрессии, в то время как средства существования возрастают лишь в арифметической прогрессии, следует противопоставить другой, установленный еще Карлом Марксом в первом томе «Капитала». В отличие от Мальтуса, который рассматривает свой закон как вечный и неизменный для всех времен и народов, Маркс полагал, что каждому способу производства свойственны особые законы населения, и, говоря о приросте рабочего класса, сформулировал такой закон его роста: «Не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семейств обратно пропорциональны высоте заработной платы, т. е. той массе жизненных средств, которою располагают различные категории рабочих». Но только в определенных условиях роста накоплений буржуазии за счет снижения жизненных средств трудящихся рабочее население становится «относительно избыточным населением», со всеми вытекающими отсюда бедствиями массовой безработицы, нищеты и голода.

Таким образом, Марксу ясны все социальные бедствия, связанные с угрозами даже относительного перенаселения на том или ином участке труда. Но он гораздо глубже видит и происхождение этих бедствий из условий эксплуатации труда. «Это — свойственный капиталистическому способу производства закон населения», — утверждает Маркс. И, значит, чтобы лишить всякой силы такой закон, необходимо ликвидировать в корне питающий его капитализм. И это особенно наглядно подтверждается опытом СССР, где с ликвидацией капитализма и повышением уровня жизни рождаемость снизилась уже с 1913 года более чем в 2,5 раза. Очень значителен процент снижения рождаемости и в других странах социализма.

В СТРАНАХ капитализма с успехами рабочего движения и повышением заработной платы за последние годы тоже наблюдается кой-где заметное снижение рождаемости, но здесь, по общему правилу, даже при всем изобилии столь разрекламированных на Западе пилюль и таблеток это снижение было много скромнее, чем в странах социализма. Например, в Италии рождаемость за 52 года снизилась на 37 процентов, в Англии — на 22 процента, в США за 50 лет — всего на 15 процентов, во Франции осталась на прежнем уровне, а в ФРГ с 1950 года даже возрастает еще. Но общая тенденция к снижению рождаемости с повышением уровня жизни трудящихся уже сказывается повсеместно в полном соответствии с предвидением Маркса об обратной пропорциональности числа рождений высоте заработной платы. И если она и впредь будет так же расти с расширением границ социализма и мощностью мирового рабочего движения, то дальнейшее сокращение рождаемости неизбежно вскоре выдвинет перед нами обратную проблему. Вместо пугающего избытка голодных ртов возникнет забота о достаточном воспроизводстве рабочих рук при данном уровне смертности.

До сих пор в нашей стране не возникала такая забота лишь потому, что наряду с быстрым снижением рождаемости еще быстрее падала и смертность в условиях социализма. Но падению смертности есть предел. И за последние десять лет мы уже подошли к нему вплотную. А за 1960—1965 годы смертность даже поднялась с 7,1 до 7,3 случая на 1 000 душ. Число же рождений продолжало падать. Уже из сказанного видно, сколь правдоподобны гадания некоторых авторов об удвоении населения за 35 лет без учета вполне реальной и закономерной тенденции снижения рождаемости с неуклонным повышением у нас уровня жизни.

Мы отказываемся признать высокую мудрость мальтузианской практики, ибо, признав геометрические темпы роста населения вечным и неизменным законом природы, смешно пытаться отменить его парой мальтузианских рецептов. А в тех условиях, когда законом становится уже замедленный рост населения, вряд ли этому закону нужны еще столь искусственные подпорки. И менее всего эти рецепты своевременны в СССР, где в условиях соревнования с капитализмом каждый рабочий на счету и высокая рождаемость сознательно поощряется партией и правительством. Здесь практика искусственных методов сокращения рождаемости к явному ущербу здоровым инстинктам материнства и интересам страны, даже не будучи под запретом, едва ли заслуживает общественного одобрения.

ЗАКОН Мальтуса, как это уже неоднократно отмечалось мною в печати, опровергается вдвойне. Не только потому, что средства существования с ростом техники, вопреки Мальтусу, растут быстрее населения, но и потому, что и само население в этих условиях растет не в геометрически возрастающей прогрессии, как это утверждает Мальтус, а в заведомо убывающей, знаменатель которой в пределе стремится к единице, а прирост населения — к нулю.

Основной причиной такой закономерности в условиях растущего уровня жизни трудящихся надо считать реальные сдвиги в структуре и быту рабочих. С падением смертности возрастает общее их долголетие, возрастает доля детей и стариков, падает доля матерей, возрастает их средний возраст, а вместе с тем падает их плодовитость — и на каждую мать, и еще сильнее на 1 000 душ всего населения, включая детей и стариков. Этот эффект возрастных сдвигов еще недостаточно осознан даже демографами. Но он повсюду приводит к значительному падению рождаемости, а с момента, когда рождаемость уже не возмещается снижением смертности, замедляется и общий рост населения. В пределах же этого замедления, когда число рождений, продолжая падать, раньше или позже сравняется, наконец, с числом ежегодных смертей в какой-либо стране, тем самым завершится и период роста населения в ней.

Нет ли, однако, опасности и дальнейшего падения рождаемости ниже указанного предела с угрозой постепенного ослабления материнских инстинктов и массового вымирания наименее жизнеспособных кругов и классов?

Конечно, колебания рождаемости вверх и вниз от известной, оптимальной для всего человечества нормы не исключены. Но крайние отклонения вообще недолговечны и сами себя исключают в результате своей объективной неполноценности. В самом деле, возьмем хотя бы тот случай, когда где-либо значительно расширяется практика искусственного сокращения рождаемости, как это наблюдалось уже в буржуазной Франции. Средняя рождаемость может в таких случаях упасть и ниже уровня смертности, открывая тем самым прямой путь к вымиранию нации. Но с каких же социальных прослоек и кругов начнется это вымирание? Очевидно, не с тех, какие не ставят перед собой никаких ограничений в области воспроизводства здорового потомства, а с тех, какие из трусости или иных личных соображений сознательно ограничивают число своих детей самыми скупыми пределами.

Но в таком случае и вымиранию в наибольшей мере подвергнутся такие наиболее малодетные семьи. А вместе с тем с возрастанием доли более многодетных семей станет расти вновь и средняя рождаемость всех семей до тех пор, пока она снова не сравняется со средней смертностью и не восстановится устойчивое равенство этих важнейших показателей демографического равновесия. Таким образом, угроза перенаселения всей нашей Земли является в той же мере мнимой, как и опасность неизбежного вымирания целых народов. Людям нет никакой необходимости лишаться, подчиняясь губительной поповской доктрине, великого множества нерожденных детей, которые могли бы умножить счастье матерей и разум всего грядущего человечества.

Несостоятельность идеологического учения неомальтузианства очевидна. Эта идеология принципиально враждебна социальным устремлениям нашей страны. В борьбе с ней всего нужнее ознакомление с подлинными тенденциями в развитии народонаселения наших дней.

Продолжаем обсуждение проблем народонаселения (см. «Литературную газету» №№ 139, 142, 152 за 1965 год и №№ 23 и 27 за 1966 год.

ДОБРЫЕ ВЕСТИ

Энцо РАВА,
итальянский журналист

ИЗВЕСТИЕ о том, что итальянское общество ФИАТ примет участие в создании в Советском Союзе промышленного комплекса предприятий по производству легковых автомобилей, нас, итальянцев, преисполнило радости и, пожалуй, даже гордости: ведь из множества стран, производящих автомашины подобного типа, СССР выбрал именно Италию!

Газеты в то утро вышли с броскими заголовками на первых страницах и с пространными комментариями, в которых после первых фраз, содержащих в основном самопоздравления, говорилось примерно следующее: «Теперь можно надеяться, что наша автомобильная промышленность не окажется больше в столь критическом положении, как в прошлом году». Надо сказать, что прошлогодний кризис вызвал цепную реакцию, отразившуюся на всей нашей экономике.

А если учесть, что в конце апреля было подписано соглашение об экономическом и научно-техническом сотрудничестве между Италией и СССР, то станет понятно, почему за последние недели популярность Советского Союза возросла у нас невероятно, хотя культурные связи между нашими странами и без того крепнут год от года.

ИТАЛЬЯНСКИЕ газеты называют возможного претендента на поездку в СССР. Я попробую рассказать, что представляет собой итальянская машина «Фиат-124».

Прежде всего надо твердо помнить, что при своем объеме цилиндров (1 089 кубических сантиметров) «Фиат-124» — машина хоть и не такая уж слабенькая, но малолитражная, предназначенная для повседневного пользования главным образом в условиях города. Мы, итальянцы, ездим у себя в городах почти исключительно на таких малолитражках, но, выбравшись на автостраду, часто забываем об этом обстоятельстве. Рим и Милан связывают 600 километров прекрасного асфальтированного шоссе с трехрядным движением; здесь мы выжимаем из какой-нибудь маломощной «шестисотки» все 120 км в час и гоним ее с этой скоростью, пока мотор не расплавится...

От машины «Фиат-124» можно добиться, конечно, большего, но претендовать на то, чтобы она «на одном дыхании» привезла вас, скажем, из Владивостока в Москву, делая по 147 км в час, было бы, пожалуй, слишком. Не следует втискиваться в нее ввосьмером, гонять ее по полям и кочкам, переправляться через ручьи и речки — это не «амфибия»... У нас, рядом с другими малолитражками, эта машина выглядит, как танк; у вас же рядом с «Волгами» или «Чайками» она может показаться просто жестянкой. Но относитесь к ней хорошо, и она вас отблагодарит.

На больших скоростях она может показаться вам несколько шумной (это наш общий национальный недостаток!), но при нормальной скорости она ведет себя вполне прилично. Машина послушна: система передач хороша; тормоза великолепны. А вот горючего, с нашей точки зрения, она потребляет многовато: у нас бензин стоит очень дорого. Мотор заслуживает всяческих похвал: вот уже тридцать лет, как он (в различных, разумеется, вариантах) гоняет машины по нашим дорогам. Уход за ним прост: имея под рукой моток изоляционной ленты и тонкую проволоку, почти всегда можно самому оказать ему первую помощь, во всяком случае сделать все необходимое, чтобы добраться своим ходом до мастерской.

Внутри с известным комфортом могут расположиться четыре человека, а если немножко потесниться, войдет и пятый; но этот последний вариант подходит, скажем, для поездки небольшой компанией в кино, а не для автопробега через всю Среднюю Азию. Для того чтобы сделать салон машины просторнее, нашим конструкторам пришлось потеснить немного водителя, но чего же вы хотите еще от малолитражки? В общем, «Фиат-124» — машина простая, практичная, экономичная, очень легкая в управлении. Длина машины — 3 965 мм, ширина — 1 465 мм, вес — 850 кг.

А ТЕПЕРЬ мне хотелось бы заверить вас, что в Италии производятся и другие хорошие вещи. Мы, например, строим прекрасные суда, выпускаем хорошие велосипеды и мотоциклы.

Мне кажется, что интересным и легко осуществимым — при минимальных затратах с обеих сторон — был бы обмен гастрономическими рецептами. Недавно на сельскохозяйственной ярмарке в Эмилии СССР имел возможность познакомить итальянских посетителей с вашими прославленными блюдами, нам же такая возможность пока еще не представлялась. Хотелось бы, чтобы подобный опыт носил не случайный характер, а проводился бы на уровне «массового обмена». Итальянцы славятся умением приготавливать макаронные изделия — даже посредственная хозяйка знает по меньшей мере тридцать рецептов «пасташутта»; нам известно пять или шесть способов приготовления «ньокки» — картофельных клецок; десяток разновидностей «ризотто» и примерно столько же всевозможных блюд из кукурузной муки. Расширение информации принесло бы много пользы и удовольствия и вам, и нам!

Или взять, например, песни. Время от времени в Советском Союзе проводятся гастроли наших певцов, которые, возвратившись домой, рассказывают (будем надеяться, что рассказы эти правдивы) об успехе, которым они у вас пользовались. Ну, а мы? Мы почти не знаем советских песен. Несколько лет тому назад широкая итальянская публика случайно услышала «Подмосковные вечера». Все были очарованы, песня эта чуть не победила даже на нашем национальном фестивале. Уверен, что мы с большим удовольствием будем напевать ваши популярные мелодии. Не станем ограничивать наш обмен лошадиными силами и классическими балетами. Давайте обмениваться и песнями!

Не исключено, конечно, что модель, которая появится на ваших дорогах, будет отличаться от «Фиата-124». Главное в другом. В эти последние месяцы Советский Союз особенно «симпатичен» итальянской общественности, причем даже людям, чьи политические убеждения весьма далеки от моих. Так воспользуемся же этим для укрепления и расширения наших связей и обмена в самых разных областях!

РИМ, май

«МАСКОМИ» — ЭТО НЕ ВСЁ

Новинки современной японской литературы

И. ЛЬВОВА

«МОДЕРНИЗАЦИЯ» — этим словом нередко обозначают перемены, происходящие в современной Японии и вызванные интенсивным ростом науки и техники, сосредоточенной в руках гигантских промышленных монополий. Перемены, пишет известный литературовед Хидэо Отагири, «не похожие на преобразования, которые знала Япония в прошлом, например после буржуазной революции 1868 года или после первой мировой войны», существенно изменили облик жизни японцев.

«Модернизация» затронула и производство идей. По развитию радиовещания и телевидения Япония вышла на одно из первых мест в мире, японские газеты издаются огромными тиражами (при этом, по традиции, унаследованной еще от XIX века, в каждом номере газеты обязательно имеется литературный «подвал»), количество всевозможных журналов трудно сосчитать. Вся эта разветвленная сеть так называемых «массовых средств сообщения» (по-японски «масскоми») нуждается в ежедневных поставках литературной продукции. Писатель перестал быть «загадочной личностью», «избранником», творящим по вдохновению. Он такой же служащий, как и миллионы других, обязанный ежедневно выполнять определенную норму труда, и отличается от всех прочих разве лишь тем, что сидит не в конторе банка или картеля, а дома, за собственным письменным столом. Литература превратилась в сырье для индустрии «масскоми».

В Японии никто не удивится, если писатель будет одновременно публиковать роман «с продолжением» в ежедневной газете, повесть — в ежемесячном литературном журнале, серию очерков — в иллюстрированном еженедельнике, радиодраму и скетчи — для телевидения. Обычное явление. Газеты и журналы «закупают» еще не написанные произведения (конечно, если у автора уже есть имя), и материал для обязательного «подвала» должен поступать бесперебойно. Сотрудник редакции, рано утром или, наоборот, поздним вечером ожидающий в прихожей автора очередных страничек рукописи, — картинка уже примелькавшаяся. Если роман имеет успех, он выходит затем отдельным изданием. Но у писателя, как правило, не хватает времени доработать рукопись, и книга несет на себе досадный отпечаток небрежности (повторы, изложение скороговоркой содержание предшествующих глав и т. п.), — разительный контраст с блестящим полиграфическим оформлением. Подобная литературная продукция удивительно банальна: семейные горести, любовные драмы, сдобренные непременной долей эротики («целомудренные» времена 20-х и 30-х годов, когда в Японии аккуратно вырезали все «поцелуйные» сцены на западных кинофильмов, давно канули в прошлое), и бесконечные вариации на феодальные темы — приключения, поединки, сражения храбрых рыцарей-самураев как неизбежная дань старинной, но удержавшейся и по сей день традиции.

Но это всего лишь литература «масскоми», о которой японцы говорят с оттенком пренебрежения. Развлекательное чтиво, своего рода жевательная резинка, предназначенная для того, чтобы отвлечь человека от размышлений.

И ЕСТЬ, однако, писатели, — их немало, — сумевшие вырваться из тисков литературного конвейера. Яркое дарование, смелость мысли, гражданская совесть принесли им уважение и любовь широких читательских кругов, вынуждая считаться с этим обстоятельством даже индустрию «масскоми». Сэйтё Мацумото — автор произведений очерково-документального жанра, в которых разоблачается коррупция в политической и общественной жизни Японии. Тем не менее «масскоми» публикует произведения Мацумото, хотя, по словам самого писателя, молодому, начинающему автору кипочем не удалось бы «протолкнуть» в печать произведения столь острой критической направленности. Из номера в номер публикует в газетах свои романы другой популярный писатель — Тацуэо Исикава. Его полудокументальный роман «Человеческая стена», рисующий жизнь учителей японских школ, их борьбу против наступления реакции, имел широкий общественный резонанс. Превосходным образцом японской прозы, стоящей где-то на грани между очерком и беллетристикой, может служить недавно переведенная на русский язык повесть молодого писателя Такэси Кайко «Гиганты и игрушки», отлично передающая пульс современной японской жизни. Борьбе против ремилитаризации Японии посвятил свой новый роман «Человек и война» Дзюмпэй Гомикава. В нем сочетаются строгая документальность и увлекательность изложения.

Наряду с документальной литературой, или «литературой факта», распространенной в Японии, имеющей своих признанных мастеров жанра, существует литература, для которой главная задача — изображение душевного мира человека в условиях «модернизации». И тут прежде всего приходят на ум романы, пьесы, рассказы Кобо Абэ. Трудно назвать произведения, где мысли, настроения, чувства современного японского интеллигента предстали бы с такой полнотой и рельефностью.

Кобо Абэ сорок два года; как писатель он сформировался в послевоенную эпоху, — она представляется ему миром, полным скрытой угрозы, в котором человек затравлен, беззащитен, окружен врагами.

В романе «Чужое лицо» герой Абэ с горькой иронией говорит: «Враги проникают к нам в дом в виде газет и писем, которые приносит нам почтальон, враги, воплотившись в радиоволны, норовят проникнуть в самые наши поры. Враждебное окружение становится для нас привычными буднями, а существование так называемых «ближних» столь же неуловимо, как иголка, оброненная в песчаной пустыне».

Мир для героя Абэ — гигантская песчаная воронка, на острое тюрьма, человек — арестант, заключенный к тому же в одиночную камеру... В этом мире-тюрьме находятся «виновные в преступной утрате самих себя, в том, что отрезали пути общения с другими людьми, утратили способность понимать чужое горе и радость, лишились счастья и трепета познания того неизведанного, что таится в душе другого, забыли долг и обязанность созидания ради других, стали глухи к музыке, которую слушаешь вместе со всеми, повинные во всех этих грехах, выражающих самую сущность человеческих отношений в нашу эпоху...»

Итак, разъединенность людей, трагическое ощущение непреодолимого одиночества, враждебность бессмысленно и жестоко устроенного мира... Мотивы, более или менее знакомые европейскому читателю. Любители экзотики, пожалуй, будут разочарованы. Стоило ли забираться так далеко на Восток, чтобы найти там... Запад? Но ведь давно известна шутка, что если все время ехать на запад, то в конце концов приедешь в Японию... Так ли уж удивительно, что сходные причины порождают сходные следствия?

Да, в романах Абэ встречаются знакомые нам приемы: фантастическая ситуация на фоне нарочито будничной обстановки, гротеск при скрупулезно реалистической точности отдельных деталей, кажущаяся безвыходность положения, невероятные события — все это налицо. И все же творчество Кобо Абэ остается самобытным, оригинальным явлением, выросшим на чисто японской почве. Он не просто сострадает — он ищет выход и указывает его: путь к преодолению одиночества — в «созидании ради других».

В романе «Женщина в песках» (кстати, он будет опубликован у нас в ближайшем номере журнала «Иностранная литература») изображен рядовой служащий, ничем не примечательный, разве что склонностью коллекционировать насекомых. Однажды во время дальней прогулки в дюнах ему приходится заночевать в хижине, построенной на дне глубокой песчаной воронки. А утром он видит, что из этой воронки нет больше выхода. Нет и не будет. И он остается там до конца своих дней, обреченный на непрерывный изнуряющий труд (нужно разгребать песок, иначе он засыплет и хижину, и людей), с женщиной, избранной не по сердечной склонности, а «подсунутой» ему все той же здой долей, с детьми... Но там, на дне песчаной воронки, он научается добывать воду, нужную не только ему, но всем людям, и по прошествии многих лет, получив возможность покинуть постылые пески, он по доброй воле отказывается от нее. «Созидание ради других» — таков высший смысл жизни, который в результате мучительных духовных поисков постигает герой современной японской литературы.

Проблема личной ответственности за все, что совершается в мире, бесплодность попыток отгородиться от жизни, замкнуться в узеньком кругу эгоистических интересов воплощена в блестящей новелле Абэ «Чужая смерть», переделанной затем в пьесу, которая шла на сцене токийского «Театра актера» под несколько «лобовым» названием «Ты тоже виноват».

Гнет порочно устроенной жизни пытаются преодолеть и герои молодых писателей, которых японская критика, скорая на оценки, назвала «сердитыми молодыми людьми» (Кэндзабуро Оэ, Синтаро Исихара и некоторые другие). Однако «бунтари», решительно презирающие буржуазную мораль и всяческие авторитеты, в конечном итоге оказываются сломленными тем обществом, против которого они протестуют. Разгул секса — таков «выход», к которому эти герои устремляются.

Портрет японской молодежи, нарисованный «сердитыми молодыми» писателями, неполон, — в этом убеждает хотя бы их собственный жизненный пример. Такэси Кайко провел несколько месяцев в качестве корреспондента в Южном Вьетнаме, в результате чего появилась книга «Вьетнамский дневник» — правдивый рассказ о героической борьбе патриотов Вьетнама и жестоких казнях, чинимых интервентами и их южновьетнамскими наймитами. Молодой писатель Макото Ода вместе с Такэси Кайко возглавил кампанию борьбы среди студенческой и рабочей молодежи за мир во Вьетнаме.

Никакая проблема современности не волнует сознание японских писателей так сильно, как угроза новой войны. Война и люди, война и личность — круг вопросов, без которого нельзя составить полное представление о современной японской литературе.

М. Шолохов в гостях у японских писателей

24 мая Ассоциация японских писателей устроила прием в честь Михаила Александровича Шолохова, находящегося в Японии с визитом. Встреча состоялась в знаменательный для советского писателя день — ему исполнился шестьдесят один год.

На встречу с М. Шолоховым пришли многие видные японские литераторы. В том числе — Фумио Нива, возглавляющий Ассоциацию японских писателей, Кодзиро Сэридзава, Хироси Нома, деятели науки и культуры, профессор университета «Васэда», редактор японского издания журнала «Советская литература» Тацуо Нурода, исследователи русской литературы профессор Хасантиро Хара и его сын Эгава Хара, благодаря трудам которых был переведен на японский язык «Тихий Дон».

На приеме присутствовали также посол СССР в Японии В. М. Виноградов, сотрудники советского посольства, представители японских газет и радио.

Фумио Нива от имени японских писателей приветствовал М. Шолохова. Говоря о популярности произведений советского писателя в Японии, он сообщил, что семь крупных японских издательств, в том числе «Синчёся», «Кавада», «Сёбо» и «Иванами», неоднократно переиздавали книги М. Шолохова миллионными тиражами.

Президент Ассоциации японских писателей выразил пожелание еще более расширять контакты японских и советских писателей, с тем чтобы крепли дружественные отношения между народами СССР и Японии.

В ответном слове М. Шолохов поблагодарил японских писателей за теплый прием и пожелал им творческих успехов.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Разрешите через вашу газету выразить глубокую благодарность всем организациям и лицам, которые разделили наше горе по поводу кончины Симона Чиковани.

М. Н. и Н. С. ЧИКОВАНИ

Правление и партбюро московской организации Союза писателей РСФСР с глубоким прискорбием извещают о кончине 23 мая с. с. члена Союза писателей, члена КПСС с 1942 года

ГОФФЕНШЕФЕРА

Вениамина Цезаревича

и выражают искреннее соболезнование родным и друзьям покойного.

Гражданская панихида состоится 28 мая в 14 часов в крематории.

ЧИТАЙТЕ, ВЫПИСЫВАЙТЕ газету «СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на литературно-художественный журнал «СОВЕТИШ ГЕЙМЛАНД» (орган Союза писателей СССР на еврейском языке).

Во избежание перерыва в получении журнала читателям, подписавшимся только на первое полугодие, необходимо оформить подписку не позже 1 июня с. г.

«Литературная газета» выходит по вторникам, четвергам и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм: Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-00-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-60. Коммутатор — К 8-00-00.

ИНДЕКС 50067 Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. В — 03982

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.

Редакционная коллегия: А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕЛЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).